

ВЕРОНИКА ТОРБАЧЕВА

ИНАЯ СУДЬБА

КНИГА III

16+

Вероника Горбачева
Иная судьба. Книга 3

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Горбачева В. В.

Иная судьба. Книга 3 / В. В. Горбачева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Дурные вести приходят из Бургундии. Амбициозной королеве эльфов загорелось расширить свои владения, подвинув галльские границы и, возможно, привлечь к себе внимание самого герцога Эстрейского. В соседнем Роане оспа, что тоже не радует, и требует сил и средств. Эпидемию нужно запереть и выжечь. Гайярд пустеет. Случайно ли? Юная герцогиня остаётся почти без охраны, без мужа, одна... А нести на себе бремя власти — тяжкая работа для бывшей селянки. Справится ли она? Докажет ли, что вправе называться герцогиней?

Содержание

Пролог	6
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

В оформлении книги использована обложка работы Анастасии Горбачевой
<https://vk.com/cactusland>

Пролог

Чудны дела твои, Господи! Ещё не успели добрые люди прийти в себя и возрадоваться новой герцогине, как снова им от удивления приходится разводить руками или чесать в затылках. Ведь как получается: оказывается, Анна Мартина Эстрейская, а по-нашенски – герцогиня Марта – на самом-то деле, ни кто иная, как внучка Жанны-девы! От самой святой, значицца, корень-то идёт. Потому и добра, и личиком светла, чисто ангел... Ишь, как Всевышний сподобил: чтобы сойтись в одночасье и ей, и правителю нашему светлейшему. Вот уж истину глаголют: кого небеса свели, того люди не разведут, хоть ты жену кради, хоть подменьшей вместо неё выставляй. Судьба, братцы!

Слава Те, Госп... Не, братцы-труженики, плеснуть плесните, но чутка. Только, чтобы вас уважить, да хозяина нашего, Иоганна, во славу его трактирного заведения... Ну, полкружечки, так и быть. А то давеча на празднике Урожая так набрался – ноги не держали; стражники под белы ручки домой отвели, благо, кум мой в карауле служит. Потому и не в острог потащили, а то бы мне целную неделю дороги мостить в назидание прочим любителям возлияний; срамота на весь квартал... Нет, довели по-доброму в отчий дом, да прямо в белы ручки благоверной супруги сдали, а та уж вразумила по своему, скалкой. Ох, грехи мои, слабости... Небось герцога-то нашего, как меру не соблюдёт, супруга этими самыми беленькими ручками раздевает-разувает да поживать укладывает, а моя-то... Эх, братцы!

А наш-то добрый король Генрих опять в тайном странствии, вот как. Его министры, поди, все головы сломали: куда же в этот раз Величество направил свои стопы? Да напрямик сюда, в Эстре, разобраться с теми, что козни против нашей славной Франкии строят. Говорят, страстей было, у-у! Сам едва жив остался, но всех злодеев покарал. Вот неймётся же кому-то – козни творить... Я уж своей душегуб... душечке говорю: вот ежели бы герцог наш узнал, какие ты жестокости со мной вытворяешь, не хуже этих злыдней – наказал бы, как пить дать, не попустил бы.

Да какие жути ещё рассказывают! Будто наворожили злые ведьмаки из Некрополиса, и пришла на наш город лихорадка, «Английский пот» называется. Страшна болезнь, страшна. Но только далее одного дома не вырвалась, потому как пресекли её быстро. Говорят, гостил у его светлости заезжий чудо-лекарь, как услышал про неизвестную болезнь – первым примчался, и тотчас вокруг заражённого дома стражу проставил, чтоб ни одна мышь не проскочила. И спас. Не всех, правда, но, стал быть, на то Божья воля. Кто-то помер, а кто-то живёхонек, и теперь по гроб жизни будет дохтура-чудодея благодарить. А сам-то лекарь, рассказывают, махонек, тонок, как девка слабая, но как глазищами зыркнет, ножкой притопнет – и все по его повелению так и мчатся, куда прикажет. Такая, брат, в нём сила. Видать, тоже благородных кровей, а то и из этих, духовных, что, говорят, кого угодно со щелчка заставят всё, что хошь, сделать, да только обет на них – сей дар зря не применять.

Вот пойду в другой раз на исповедь, так и спрошу отца Питера, не усостит ли супругу мою душеспасительной беседой? Ни-ни, братцы, сказал же – более не нужно мне этого эля, Бог с ним совсем. Ну, чутка разве что... Полкружечки.

А недавно в Роане – слыхали? – оспа случилась. Так сам чудо-дохтур ринулся лечить. Откуда знаю? Другой кум рассказывал, что в самом Гайярде в старших лакеях служит, он всё знает, всё видит, хоть не про всё болтает. Но про выюношу чудесного молчать не запрещали. Какой тут секрет? Прослышал он, значит, что в Роан отряд собирается с медикусами, и давай приставать: возьмите, да возьмите меня с собой! Я, мол, то, я сё... Долг, говорит. Священный. Тут, не поверите, даже Его Величество Генрих расшумелся. Ты, говорит, на себя посмотри, прежде чем ехать! Хоть ты и первостатейный докторус, почти прославленный, а весь из себя

немочь бледная: извёлся, когда лихорадку-то выгонял. И ежели с тобой что случится – так и знай, Франкия потеряет светило, понимаешь, будущее. Ей-Богу, так и сказал! Франкия потеряет... А тому хоть бы хны: глазами сверкает, кулачками машет: я, говорит, клятву давал... этому, как его... Хиппократусу, вот! Король наш Генрих, на что уж добр, но осерчал: Как? Мне – и не подчиняться? Да ты кто есть такой? Ты, в первую очередь, мой и герцога подданный, и твой первейший долг – повиноваться государям! Государям, братцы...

И чуть было не начал громы и молнии метать. Хорошо, рядом этот капитан стоял, ну, который завсегда при герцоге как советник. Он так спокойненько дохтуру нашему ручку на плечико возложил... тот аж чуть не присел: и впрямь хлипковат, а рука у офицера тяжёлая, знамо дело, человек военный. Вы, говорит, господин Поль, не горячитесь. И вы, Ваше Величество, не извольте беспокоиться, я лично прослежу, чтобы господин Поль только руководил, а в самое пекло не лез. В авар... авантюру ни в какую не ввязывался. Лично прослежу, вот оно как... Если, конечно, его светлость, мол, ещё изволит и меня отпустить. Надо ж кому-то присмотреть, чтобы кордоны и карантин правильно расставили.

Генрих-то наш успокоился, а докторёнок фыркает, ругается словами непонятными, на латыни, должно быть. Му... Мужлан, вот! Варвар! И ничего, мол, вы не понимаете, я же клятву давал, труд целителя – это как Богу служить, превыше всего. А капитан Винсент ему спокойно так отвечает: вы, сударь мой, Писание-то читали? Как там сказано? Вот и отдавайте кесарю кесарево, а Богу – Богово, исполняйте свой долг перед больными, но и о королевской воле не забывайте. В ней тоже своя истина: кто больных лечить будет ежели сам докторус от оспы загнётся? Потому я с вами и поеду: чтобы, когда надо, вам кубок подсунуть... Уж про какой кубок он толковал – не знаю, но только после этих слов господин Поль вроде как смутился и буркнул: будь по-вашему. Только, мол, я-то не заболею, потому, как дядя надо мной в детстве опыт ставил, и после этого мне оспа не страшна. Тут капитан и высказал, да так доходчиво, прямо по-нашему, по-простому, всё, что думает о сумасшедших дохторусах, хоть и светилах, которым своих племянников ради науки не жалко. Докторёнок аж покраснел от такой простоты, благородный-то... и опять вспылал: что вы, мол, в этом понимаете?

Ну, совсем как моя благоверная. Ей слово – она в ответ двести.

Капитан только усмехнулся. Прямо как я, когда увещевания драгоценной супруги слушаю. Будет вам, говорит, ребячиться, господин Поль. Собирайтесь, в дорогу пора.

Такие дела... Оспа, значит, в Роане. Но, говорят, дальше не пройдёт. Докторус докторусом, а и местные власти тоже знают, что в таких случаях делать. Чай, не в тёмные времена живём, а в веке шестнадцатом, просвещённом. Вона, университеты строим. Сам туда недавно заказ относил, книги переплетал, так налюбовался: красота необыкновенная. Потолки высокие, как, говорят, во дворцах, учебные залы широкие, и скамьи там, и столы, и доски аспидные, и чучелы всяких зверей, и снопы, и раборатории – всего полно!

А ведь и герцог наш на сторону подался, слышали? В Бургундию. Пришли оттуда дурные вести: средиземноморцы прорвались с моря. Сидели бы себе на своих островах, не рыпались, так нет: им теперь места мало, теперь свою провинцию хотят. Подавай нам сюда, говорят, Бургундию, потому как наш эльфийский род оттуда пошёл. Ох, и лютая у них королева, всё бесится, оттого, говорят, что мужа себе не найдёт. Покорный да послушный ей не нужен, а господина над собой не потерпит, вот и угоди, попробуй! Оттого и лютует, без мужика-то. Ото ж, наверное, и моя душегуб... душечка так же одичала бы, не будь меня рядом.

Но там всё ж – эльфийская королева, не замухрышка какая-нибудь. Величество, тудыть-растудыть! Это ж понимать надо, всё же. Потому и пришлось его светлости самому ехать, чтобы, значит, чин по чину переговоры ведись, на равных. Короля-то нашего он с собой не пустил, тот ещё слаб после болезни. Но и сам герцог, чай, не ниже короля, чай, Галлия – не болото.

Так вот и остались мы с герцогиней Мартой на правлении. Теперь, пока законный супруг не придет – ей дела вершить, суд творить. Оно, конечно, не бабье дело, но закон есть закон. Муж на войне – жена за него, дом обороняет. А что, рассказывают, были такие бабы... королевы, что свои войска держали да соседей отваживали, пока супругов дожидались, вот оно как. Я вот думаю, что ежели моей благонравной родиться ещё и благородной – пробилась бы в королевы, ей-Богу! Да только муж у неё переплётчик, вот она и бесится. Ну, за здоровье их, наших прекраснеликих. Только чутка, братцы, чутка... Полкружечки.

...Советник-то герцогский, Ворон, тут остаётся, навроде помощника при герцогине: ежели будет её светлости трудно – поправит, подскажет. Он башкови-итый... Да и сама она, Анна-Мартина, по-нашему – Марта, говорят, умна, добра да справедлива. Ничо, как-нибудь дождётся муженька, не подведёт.

Ох, заговорился я, братцы. Вы, главное, молчите, а то будем все, как та девка Флора, с раздвоенными языками ходить. Хоть, говорят, и живёт у ката, как у Христа за пазухой, но тиха, смирна, как мышь в подполье, слова лишнего не проронит. Не-ет, уж лучше такая, как моя Селестина: она вразумит, она же и приголубит. А ведь самое лучшее между законными супружниками – это замирение, вот что я вам скажу. Любо-дорого на нас в те минуты редкие посмотреть. Я ей: «Душечка моя многотерпеливая, не устали ли твои рученьки? Скалка, чай, тяжёлая». Она мне: «Прочь поди, дурень! Мало тебе?» А у самой глаза ла-асковые... Значит, любит.

Не, братцы, всё, теперь даже чутка не надо. Вовремя я вспомнил о своей-то крепкорукой. Пойду домой братцы. Хоть бы кто её надоумил разок вразумление пропустить, а сразу приголубить... Попросить отца Питера, что ли, пусть внушит ей по-отечески?

Глава 1

Свеча, сладко пахнувшая мёдом и ладаном, горела беспокойно. Пламя то сжималось в крохотный язычок с синевой над почерневшей точкой фитиля, то взметалось на добрую ладонь, то металось из стороны в сторону, хоть в домовый часовне Гайярда отродясь не водилось сквозняков, и тогда по восковым бокам стекала горячая прозрачная слеза; то начинала неимоверно чадить. Свеча словно бунтовала, не желая сгорать. Наверное, оттого рядом с ней, такой непокорной, невозможно было молиться, и Доротея Смоллет, в девичестве Глюк, вместо того, чтобы искать в знакомых латинских речитативах покой и утешение, всё не могла оторвать взгляда от мятежного огонька.

– Это оттого, что ты гневаешься, дитя моё, – прозвучал рядом печальный глуховатый голос, и она невольно вздрогнула, понимая, что некому здесь взяться, ночью, когда давно закончилась служба, на которой молили Всевышнего о благополучном пути для герцога и скорейшем завершении его миротворческой миссии. Жильберт д'Эстре уехал в ночь, и давно улеглась суэта, связанная с проводами. Волнение утихло в замке, но не в мятущемся сердце вдовы, которую давно уже никто не называл «дитя моё».

– Ты гневаешься, и нет покоя душе твоей...

Сухонький старичок замедленно, как и многие пожилые люди, отягощённые болями в пояснице, оперся о спинку скамьи в попытке присесть. Полусумрак часовни, освещённой лишь скромным шандалом близ алтаря да несколькими неугасимыми лампадками, не позволял толком разглядеть лица, но вот то, что дедушка горбат, можно было заметить сразу. Невольно подавшись вперёд, Доротея поддержала его под локоть, помогая опуститься на скамью.

– Благодарствую, радость моя.

Тёмные, словно нарисованные кистью на пергаментном лике, губы дрогнули в ласковой улыбке. В свете внезапно успокоившейся и загоревшей ровно и мощно свечи, ничуть не выцветшие от возраста очи блеснули синим.

– За что же ты сердишься на него?

Доротея уже поняла, что или перед ней наваждение, или она задремала, утомившись за день. Поэтому не удивилась вопросу. Видения сами по себе обречены знать, что творится в душах людей, ими посещаемых. И ей захотелось пожаловаться, поплакать, как маленькой девочке.

– Он появился... – Закусила губу. – Перед совершенно чужим человеком. Перед чужим, – сказала с надрывом, чувствуя, как рвётся от обиды сердце. – А ко мне за столько лет не пришёл ни разу, даже во сне. Как же так? И, главное, *что* передал? Какие-то пустяки, что, мол, больше никого не надо искать. Вместо того чтобы в последний раз сказать...

Она запнулась.

– Что любит тебя и прощается, наконец, навек, – со вздохом завершил за неё старичок. Был он с виду ветхий и немощный, но голос, даром что тихий, звучал ровно, без придыханий, без надсадных кашлей, свойственных пожилым людям. – Так ведь? Ох, дети Евы, охочие до слов ласковых... А что они, слова? Просто слова...

– Я, наверное, эгоистка, – пробормотала Доротея со стыдом. – Но мне и в самом деле так важно было услышать это от него... в последний раз. До сих пор меня гложет, что мы не успели попрощаться. Хоть я и смирилась с его потерей, привыкла... Но вот вдруг является менталист, чужой нам обоим человек, и передаёт последние слова Алекса, но они не...

– Не те, что хотелось бы. Не о любви великой, – вздохнул дедушка. – Увы, дитя моё, порой в волнении мы слышим лишь то, что слышали другие, не стремясь проникнуть в суть. А что, если твоему мужу просто не хватало времени? В одном ему повезло: он почуял смерть своего убийцы и вместе с другими душами смог зачерпнуть из его уходящих сил, чтобы передать о себе весточку. Только вот душа-то, хоть злодейская, хоть праведная, отходит быстро, надо успеть... Супруг твой, как разумный человек, выбрал именно самое главное, надеясь...

Старичок погладил Доротею по опущенной голове, как ребёнка.

– ... Надеюсь, что ты всё поймёшь, радость моя. Раз он сказал – «не надо искать», – значит, ведал о твоей боли и поспешил вытащить занозу, что колола твоё сердце долгие годы. Он ведь хотел, чтобы ты больше не мучилась, а главное – не ненавидела, мешая спасению души своей; и разве это не говорит о любви?

Доротея в смятении подняла голову. Гость продолжал с ласковой укоризной:

– И разве ты не чувствовала все эти годы его незримое присутствие? Когда тебе было нелегко на чужбине – он подтолкнул тебя к заботе о юных отроках и отроковицах, и с ними ты нашла утешение и опору. Он помогал терпеть и надеяться, пока ты не вырвалась, наконец, из клетки, что так заботливо соорудил для тебя брат. Он напомнил о годах обучения в девичестве и навёл на мысль, что ты можешь сама зарабатывать на хлеб насущный; укрепил веру – для того, чтобы ты смогла сделать первый шаг к новой жизни.

– Да. – Женщина поспешно вытерла слёзы. – Я ведь... Да. Я чувствовала, что он со мной, отче.

– Вот видишь, дитя, он оберегал тебя даже после смерти. Возможности усопшего малы, оттого-то ты не всегда его слышала. Горний и здешний миры иногда соприкасаются, но не с каждым из нас можно поговорить так, как мы с тобой сейчас говорим. Не всем дано...

Старичок задумался. Потянувшись, ухватил щипчики на круглом поддоне подсвечника, осторожно снял нагар с обгоревшего фитиля.

– Гори, гори ясно. – И добавил: – Ох, Дори, Дори...

Покачал головой.

– Это была неслыханная удача – застать рядом со своим умирающим убийцей мага-менталиста. Наверное, ангелы их свели, чтобы твой Александр успел с тобой проститься. Многие отдали бы правую руку ради такой весточки, а ты, неразумная, зароптала.

Доротея прижала руки к груди, стремясь унять внезапное сердцебиение.

– Понимаю, отче. Прости. И всё-таки... почему Гордон? За что он нас так? Что мы ему сделали?

– Скоро всё узнаешь, радость моя. – Ночной гость сжал губы, словно не желая сказать лишнего. – Время, дарованное мне, истекает... Отпусти его, дитя. Вот ради чего я пришёл. Отпусти. Иначе Александр Смоллет так и не поднимется в горний край, где много лет его поджидают. Ты держишь его своей памятью, как цепями. Пойми: отпустить не значит разлюбить. Впереди у тебя ещё долгая жизнь, и пусть она будет светлой, полной любви к ушедшему, но не отягощённой более горестными думами. Держи в закромах своей памяти не последнюю страшную ночь с мужем, а те ночи, и дни, что были у вас прежде. Два года любви, дитя моё, это не так уж и мало... Назови первого сына Александром – и он обретёт сильнейшего небесного покровителя, что пребудет с ним всю земную жизнь, какую бы стезю не избрал твой первенец.

– Отец мой, – в смятении прошептала Доротей. – Что это вы мне говорите?

– Будет ещё у тебя семья, будут дети, будет счастье. Заслужила. Только впусти их в свою жизнь, радость моя. Разреши им войти. И знай, что не только я сейчас с тобой говорю.

Она затрясла головой.

– Не могу. Не могу думать об этом. Это кощунство...

– ... Дори?

Голос Изольды Гейл прорвался к ней. Очнувшись, Доротей стряхнула с себя непонятную одурь. Это был сон? Но такой явственный, зримый! Она запомнила до малейших деталей и морщинки вокруг лучистых синих глаз, и касание руки, пахнувшей травами и мирровым маслом, и складки старенькой хламиды, из-под которых на спине выпирал небольшой горбик, благородные седины, круглую шапочку со странным восьмиконечным крестом... кажется, *греческим*... Рядом зашуршало платье.

– Ты с кем-то говорила?

Подруга порывисто к ней прижалась. Объятье было столь же ощутимо, реально, как и недавнишнее прикосновение таинственного гостя к темени. Доротей судорожно сглотнула.

– Не знаю. Я...

Оглянулась.

Кроме них с подругой в часовне никого не было. Но ощущение реальности, «всамделишности» разговора со старцем не проходило. И свеча, поправленная им, горела ровно и ярко, будто ей передалось внезапное теперешнее умиротворение, поселившееся в душе одинокой вдовы. Впрочем, с недавних пор не такой уж и одинокой.

Она глубоко вздохнула.

– Кажется, я...

– Задремала. Это бывает по ночам. Дори, послушай. – В голосе Изольды Гейл, в девичестве Смоллет, звучал сдержанный упрёк. – Я, как никто, тебя понимаю, но оставить в таком состоянии просто не могу. Ты уже выплакалась? Вот и хватит. Надо жить дальше. Пятнадцать лет, Дори, пятнадцать лет прошло! А ты убиваешься, будто похоронила Алекса только вчера. Я люблю его не меньше, он мой брат, но отпусти его, наконец, милая!

Она почти точь в точь повторила слова таинственного гостя, поэтому неудивительно, что Доротей уставилась на неё в изумлении.

– Иза! Как ты можешь!

– Могу. – Подруга внезапно всхлипнула и полезла в сумочку на поясе за платком. Высморкалась. – Я ведь тоже вдова, дважды вдова, я же рассказывала... Но живые должны жить, душа моя, а не хоронить себя под траурными одеждами. Уверена, с Джузи, моим новым мужем, я буду счастлива, но это не помешает мне до конца своих дней любить и помнить и Мартина, и Ричи. Они – часть моей жизни, лучшая часть, и я никогда с ними не расстанусь, но буду любить и Джузеппе, и ещё, даст Бог, наше с ним дитя, если всё обойдётся благополучно. Понимаешь? Живые – к живым, Дори!

– Иза! Ты беременна?

Та сквозь слёзы рассмеялась.

– Похоже, это единственное, что ты расслышала, милая. Ну да, уже почти три месяца, и, сама понимаешь, нам крайне нужно венчаться, ведь в моём-то возрасте идти под венец в животом выше носа – верх неприличия. Я тебя и разыскивала ещё и из-за этого. Не хочу, чтобы наследство Алекса перешло в казну, а потом было продано за бесценок, на него уже многие раскатали губы. По завещанию батюшки имущество, которое он отписал нам с Алексом, закреплялось жёстко только за ним и за мной, без права перехода от брата к сестре и наоборот. Он хотел быть уверенным, что после его смерти мы не пустимся в склоки. Насмотрелся при дворе... – Вытерла глаза. – Я так рада, что тебя нашла, даже и без этого наследства...

Некоторое время они сидели молча, обнявшись. Наконец Изольда отстранилась.

– Вот что я скажу, душа моя. Одна ты с нашим поместьем не справишься. Тебе нужен мужчина. И не какой-то управляющий, а муж. Понимаешь?

– Иза!

– Что Иза? Ты других слов, что ли, не знаешь? Четвёртый десяток лет Иза! Ты никогда не жила в замке, не занималась ведением больших дел; откуда тебе набраться опыта? Тамошний управляющий уже старенький, надо искать ему замену, а я к тому времени буду в Венеции и наверняка рожу; кому прикажешь за тобой приглядывать? А я хочу оставить тебя и замок в надёжных руках. И не сверкай так глазами, это не преступление – вдове снова выйти замуж. Думаешь, я не вижу, как смотрит на тебя этот Ворон? Да нужно быть слепцом, чтобы не разглядеть настоящего чувства, а я ещё, хвала Господу, зрячая. Душа моя, и ты откажешься от такого мужчины? Нет, ты ответь!

– Иза! – беспомощно повторила Доротея, теряясь под напором подруги. – Да как ты не поймёшь, я не могу, не могу думать о другом!

– Почему?

– Это... слишком быстро. Я просто не готова к чему-то новому.

Из груди подруги вырвался вздох облегчения.

– Только-то? Вот что я тебе скажу, милая: ты просто привыкла к толстым книгам. Да-да, не изумляйся. Вся твоя жизнь последние пятнадцать лет была похожа на старый затрёпанный том, на каждой странице которого написано одно и то же, одно и то же. И ты читала его изо дня в день, из года в год, потому что в твоей библиотеке больше ничего не было, так уж сложилось. Но вот появилась новая книга, в яркой обложке, со страницами, где столько нового! А ты по привычке думаешь, что тебе придётся листать её ближайших лет десять, как предыдущую. Но что, если это не книга, а всего лишь тонкая тетрадь? Ещё год-другой – твоя воспитанница расправит крылышки, и нужда в тебе отпадёт. И что дальше? Душа моя, тебе нужны семья, опора, любовь! Тебе нужно своё собственное счастье, а не чужое.

Они прижались друг к другу мокрыми щеками. И должно быть, обе вспомнили худеньких пансионеров, прячущихся в укромном уголке старого парка от бдительных глаз монашек-наставниц и поверяющих друг другу девичьи тайны и огорчения.

– Доротея Августа Терезия Глюк! – неожиданно сурово, голосом матери-наставницы Августины, сказала Изольда, и обе женщины так и прыснули, забыв о драматичности момента. – Позволь напомнить тебе, что ты круглая дура!

– Совершеннейшая, – сквозь смех поправила её Дори.

– Ах, да! Совершеннейшая! И безответственная, к тому же! Перед тобой такой изумительный образчик мужчины, рыцаря, аристократа со всех сторон, и ты ещё думаешь? Слово чести, если ты не станешь его женой, я, овдовев в очередной раз, сама в него влюблюсь! Конечно, к тому времени я стану беззубой и безволосой, и наверняка желторукой и сухорукой, ну, да и он будет уже далеко не Аполлон, так что – очарую, будь уверена. Итак?

– Ох, Иза!

В очередной раз графиня Смоллет вытерла глаза. Впала в задумчивость.

– А тебе ни разу не приходило в голову, – спросила шёпотом, – что бывает... потом?

– Ты о чём? – Подруга глянула с хитринкой, но услышала совсем не то, что собиралась.

– Потом... после нашей смерти? Ведь нам говорят, что любящие при жизни сердца обязательно встречаются на небесах. И что тогда? Я встречу Алекса – но со мной будет ещё и Макс... или кто-то другой, ещё один муж... Как мне глядеть им в глаза?

Изольда Белорукая наморщила лоб.

– Когда-то это будет!.. Я как-то не задумывалась над этой стороной дела. Но, знаешь ли, ежели Господь не запрещает вдовам и вдовцам жениться – значит, это не грех. Иначе нашлись бы в Писании соответствующие строки, и куковали бы мы с тобой долгие-долгие дни в каких-нибудь монастырях, или, как в той далёкой Индии, всходили бы на костёр с умершими супругами. Но сказано – прах к праху, тлен к тлену. А жизнь – к жизни. Давай жить, Дори. Хватит читать унылые книги. Заведи себе новые.

«Алекс...» – подумала Доротейя с тоской. «А что сказал бы на это ты? Случись тебе потерять меня, а потом встретить другую женщину...»

Наверное, рано или поздно, находишь она рядом с ним незримо и наблюдая его нелёгкую жизнь, она захотела бы видеть его... просто счастливым. Пусть с другой. Пусть с детьми от другой женщины, с внуками, в покое и уюте, или, наоборот, в бурной кипучей деятельности, но главное – ловящим радость от каждого прожитого дня... В мигании свечи промелькнула чья-то улыбка – покойного ли мужа, давешнего ли старичка? «Больше не надо никого искать», – почудился знакомый голос. «И надумывать не надо. Просто живи счастливо». И казалось, что в этот момент не она – это сам Александр отпускает её. Словно разомкнулся на груди железный обруч, вроде того, какими сковывал себе сердце верный оруженосец, потерявший принца, и, кажется, впервые за много лет Доротейя вздохнула свободно.

Нечто похожее с ней уже было. Покидая Сар, она была уверена, что теперь-то вольна распоряжаться собственной жизнью как хочет. Впрочем, чувство это отягощалось пониманием зависимости от многих людей: капитана, герцога, который то ли согласится, толи не согласится принять её на службу... А сейчас она, наконец, совершенно, абсолютно, по-настоящему свободна. Уедет она или останется с Мартой и девочками из монастыря святой Урсулы, выберет ли мужа или предпочтёт одиночество – всё зависело только от неё.

А ведь она сперва досадовала на внезапно объявившееся наследство: мол, куда ей такая громадина, что с ней делать? Но ведь замок – это не просто стены и башни: это отчий дом Алекса, кров, что помнит его младенческую поступь. Придёт время – и каждой ступенькой, каждым окном, изгибом перил, покоем библиотек и уютом спален он будет напоминать ей о том, кто с ней всегда, даже после кончины.

Наверное, они правы – и Изольда, и этот старичок. Ведь, положила руку на сердце, Доротейя и сама подумывала о том же, но каждый раз упорно гнала прочь мысли, казавшиеся ей крамольными. А теперь, получается, ей надо просто решиться.

И открыть новую книгу.

...Свеча с чистым фитилём горела долго, до утра, и потом, следующие сутки, и следующие. Пока её, с поклонами и благоговением, не поместили в особый фонарь, поставив рядом с Дароносицей в соборе Серафима Эстрейского. Но Доротейя об этом уже не знала. Так уж люди устроены: куда чаще они приходят в храм за утешением, а обретя оное, окунаются в новую жизнь, забыв о терзающих когда-то душу сомнениях. Неугасимый светоч горел для тех, кто явится ещё к нему за утешением и советом. И пламя его оставалось чистым, как душа Александра Смоллета, наконец обретшая покой.

День, которого Марта боялась до дрожи, наконец, настал.

Стоило ей открыть глаза, как холодная постель, без вмятины в перине, остающейся обычно после большого и жаркого тела герцога, напомнила, что Жильберта д'Эстре нет с ней рядом; нет не только дома, но и в самой столице, и что через два-три дня он вообще достигнет границы провинции, где ждёт его разбирательство спора с мятежной королевой эльфов, и, как знать, скоро ли оно закончится. Муж уехал – и оставил её на хозяйстве, а ей теперь хоть вслед беги: и соскучилась за ночь, и боится даже подумать, что теперь она здесь за главную. Шутка ли – государственные дела! Хоть Жиль и твердил, что многого от неё не требуется, разве что утвердить или запретить что-то, так ведь на утверждение могут подсунуть и смертный приговор. А запретить попросят какое-нибудь понижение или повышение цен, и кто знает, как это для простого люда обойдётся?

«Не бойся. Самое главное – не бойся» – твердил Жильберт перед отъездом. Громадный вороной жеребец приплясывал рядом, едва сдерживая нетерпение, словно плиты мошёного двора Гайярда жгли ему копыта. Небольшой отряд сопровождения-свиты тактично поджидал государя у ворот южной башни – не парадного въезда, поскольку отъезд был назначен неофициальный, «тихий».

«Любовь моя, да ведь все мужья рано или поздно покидают дом по делам, и мир до сих пор не рухнул. Хотя далеко не у всех такие умные и славные жёнушки». Герцог поцеловал Марту в лоб, по-отечески. (Не отечески, а вполне супружески они уже, увы, попрощались). «Помни: рядом с тобой Максимилиан. Слушай его, доверяй, как я доверяю. Поглядывай на Доротею, особенно во время приёмов и встреч с просителями, если таковые случатся, она прекрасно держится в обществе. Почаще общайся со своей новой подругой Фатимой: у неё большой опыт ведения дома, ведь господин Суммир постоянно в разъездах, а они с матушкой управляли и домом, и делами, без советников, кстати. Чем ты хуже? Провинция, конечно, не лавка и не поместье, но везде живут такие же люди, подчиняются одним и тем же законам, а главное – помнят, что власть дана от Бога. А потому уважают эту власть и почитают. Ты умная девочка; не подумав, не ляпнешь, вот так и действуй: выслушивай, не стесняйся спрашивать, и не торопись с решением, даже если на тебя кто-то посмеет давить. Лучше отложи что-то до моего приезда. Я вернусь – и всё доделаю».

«...И разберусь, – добавил обманчиво мягко, – с теми, кто, воспользовавшись моим отсутствием, попытается на тебя воздействовать: жалостью, или чересчур большим умом. Ничего и никого не бойся. Ты здесь хозяйка».

«Жи-иль...»

Она прижалась к его груди, не замечая, что уткнулась щекой в твёрдую гранёную пуговицу камзола.

«А ведь капитан Винсент не с тобой, как же ты без него? Кто будет тебя охранять? Я не за себя, я за тебя боюсь...»

Сиятельный супруг нежно оттер ей щёки. Сказал нарочито сурово:

«Запомни: люди должны видеть герцогиню сильной и стойкой. Ещё бы и величавой...»

Вздыхнул.

«Ну, это со временем придёт. Провожай меня спокойно и с лёгким сердцем, и тогда я быстро вернусь, жив и здоров. А что касается Винсента... Открою тебе небольшой секрет: у него под руководством *два* отряда, в Роане останется один, со мной поедет второй, а сам Винсент нагонит нас по дороге. Ему, в сущности, надо лишь проконтролировать состояние дел: Роанский бургомистр и его старейшины умны и расторопны, наверняка уже наладили карантин. Винсент всё проверит, потом присоединится ко мне. А уж там, в лагере я буду... Ну, пусть – под его защитой, если тебе так хочется». Он усмехнулся.

«В лагере?»

«Да, традиционно переговоры с эльфами не ведутся на земле, закованной в булыжник. И не под крышей, только под небом. Так что – раскинем шатры. Не беспокойся, о погоде приглядят их маги, это они умеют. Ну, милая...»

Он привлек её к себе, и Марта прижалась к мужу всем телом, сминая пышные юбки и не в силах оторваться от родного человека.

«Вспомни, какой должна быть герцогиня?» – шепнул он ласково. «Ну же, голубка! Порадуй меня своей стойкостью!»

Улыбнувшись дрожащими губами, она отстранилась, заботливо поправила перевязь шпаги, лишней раз прикоснувшись супругу. Тишком вздохнула. И отступила.

Хорошо, Жиль. Всё, как ты наказываешь. Я слушаюсь тебя прямо с этого момента.

«Умница».

Улыбнувшись, он церемонно поцеловал ей руку. Похоже, ему тоже хотелось сорвать ещё одно прикосновение.

«Помашки мне вслед платком. Как прекрасная принцесса своему рыцарю».

И уехал.

...В полуоткрытую створку окна потянуло сквозняком, зеркало дрогнуло, качнувшись на срединных шарнирах, и солнечный зайчик переместился на потолок. Это было хорошо, потому что, переведя на него взгляд, Марта невольно подняла глаза и – сдержала слёзы. Герцогиня должна быть стойкой.

Постучавшись, в дверь заглянули Берта и Герда, и «принцесса» всё-таки чуть не разрыдалась. Обычно первым с утра в хозяйскую спальню заглядывал камердинер, докладывал о том, что брадобрей прибыл и ждёт. Сейчас Антуан тоже в дороге, а Марте теперь предстоит долгие дни проводить в женском царстве.

Ох. Какой там должна быть герцогиня?

И вообще. День зовёт. Муж оставил ей целый список обязательных дел, на неделю вперёд, с тем, чтобы она ежедневно выполняла один-два «пункта» обязательно. И писала бы ему каждый вечер письмо о том, как справилась: «Отчёты». Письма отправлять не нужно, чтобы не перехватили шпионы иных государств, а вот он приедет – и всё прочитает, и узнает, как тут милая жёнушка проводила время. И чтоб не скучала!

Максимилиан Фуке после завтрака должен огласить список сегодняшних дел, если они «потребуется личного участия её светлости». Марта поёжилась. А ещё – никто не отменял занятий с тётушкой Доротеей, а потом они едут к милым девочкам-урсулинкам, и не забыть ещё навестить дядю Жана с мальчиками... Но это вечером, ибо днём с тех «будет спускать по три шкуры с каждого», по его же выражению, этот странный, но такой умный королевский шут. Он теперь при Мастерке Жане, как при ней – Доротее. Тоже воспитывает и обучает. Ну, хоть не ей одной зубрить геральдику и историю благородных семейств...

Семейств...

Что-то с этим словом было связано. Кажется, что-то написано в том задании, что ей оставил Жиль.

Она уже свыклась с тем, что её одевали-обряжали в четыре руки другие люди, и не испытывала неловкости. В самом-то деле, это ж немыслимо: самостоятельно управиться с прилаживанием валика под юбки – хорошо ещё, без громоздкого каркаса, обязательного в Лютееции, диктующей моду всему просвещённому миру; и с бесчисленными нижними юбками, каждую из которых надо расправить особо; и со шнуровкой на спине, и с пристёгнутыми поверх основных рукавов ещё и дополнительными, широкими книзу и неимоверно длинными. А потом ещё пристёгивался стоячий кружевной воротник, очень красивый, безумно дорогой, украшенный по краям зубчиков крохотными жемчужинами, и особым образом завязывался пояс в тон окоёму рукавов, и также расширяющийся к низу, и украшенный богатой вышивкой. А потом ко всему этому подбирались кольца, фибулы, гребни... Марте ни к чему были эти безделицы, они

изрядно оттягивали пальцы, уши, утяжеляли причёску, но... Недавно в её памяти поселилось ещё одно новое словечко: «Статус». Статусу нужно было соответствовать. Не подводя при этом сиятельного супруга.

За последние сутки Марта узнала много новых слов и теперь постоянно прокручивала их в голове, чтобы не забыть и суметь ввернуть в разговор при случае.

Нет, конечно, сейчас её обряжали не в парадное платье, тяжёлое и сковывающее движения. Широкие и длинные рукава, из-за которых приходилось постоянно держать руки согнутыми в локтях, чтобы ткань не волочилась по полу, дорогая парча, затканная золотым шитьём, пышные юбки, тугий корсет – это всё «на выход» в люди. Здесь, дома, в отсутствие гостей можно было позволить себе одеваться куда проще. Но тоже – «статусно». Впрочем, ко всему можно привыкнуть.

...Берта и Герда уложили её чудесные золотые волосы в большой свободный узел. Поцокав языком, словно неодобрительно Берта потянулась к шкатулке, которую, едва придя в хозяйскую спальню, поставила на туалетный столик. Открыла – и Марта ахнула, увидев нечто воздушное, переливающееся шёлковой гладью и перламутром.

– Сетка для волос, вот! – торжественно объявила Берта.

– Его светлость велели преподнести вам прямо нынче с утра. Необыкновенная новинка из Венеции, вот! Говорят, в Эстре ещё ни у кого такой нет! – добавила Герда с такой гордостью, будто лично носилась по лавкам иноземных купцов, выискивая, чем бы ошеломить юную герцогиню. – Ах, какой его светлость заботливый...

– Какой внимательный!

– Как он вас любит, госпожа!

– И ведь не надышится!

Они кружили вокруг Марты, пристраивая эту чудесную невесомую сетку, расправляя невидимые складки на юбках, оправляя кружева, ещё раз проверяя, насколько удачно сел пояс и в тон ли ему и туалету крошечная сумочка-кошелёк; словно маленькие феи-рисовальщицы, наносящие последние штрихи на полотно, но всё ещё не до конца уверовавшие в идеальности сотворённого. А Марта и улыбалась, и старательно смаргивала слёзы: так растрогал её этот подарок.

За завтраком, в окружении знакомых лиц, тоска чуточку отступила. По традиции, если в Гайярде были гости, то на утреннюю трапезу собирались в Малой Столовой. Обычно его светлость выпивал первую чашку кофе в собственных покоях, наслаждаясь видом на парк из окна, или, если случалось встать слишком рано, выезжал верхом либо разминался на тяжёлых рейтарских мечях с дюжими охранниками. Потом следовала ванна, обсуждение с секретарём предстоящих дел, после чего герцог выходил к основному завтраку. И сейчас, поднапрягшись, можно было представить, что Жильберт просто задержался, и вот-вот ворвётся к ним, и всё будет, как обычно. Ибо всё в столовой было, как при нём. Присутствовали погрузневшая Доротея с очаровательной подругой Изольдой Белорукой, суровый Максимилиан Фуке, сияющая предстоящим светом материнства османочка и её почтенный родитель, и не менее почтенный управляющий Гайярда... Два почтенных человека всегда поймут друг друга, и неудивительно, что оба, умудрённых жизнью мужа, прониклись взаимным уважением и нередко коротали время у камелька в рассказах каждый о чудесах своей родины. Посмеиваясь, слуги нашёптывали друг другу, что старик Гийом начал зачитываться весьма цветастыми и фривольными виршами восточного мудреца и звездочёта, а в покоях мудрейшего Суммира ибн Халлаха всё чаще появлялись книги об истории Франкии, сочинения античных и современных философов и описания путешествий знаменитых Да Гамы, Магеллануса и Поло.

И, конечно, здесь, в столовой, на одном из почётных мест, по правую руку от хозяйки, восседала сама Аглая Модильяни, грозная домоправительница, присутствие которой делало утреннюю трапезу, как ни странно, необыкновенно домашней.

А потому, душевного спокойствия ради, надо было всего-навсего представить, что Жиль и капитан Винсент просто опаздывают, и... жить, как раньше. Ну, почти как раньше. Хоть и очень трудно, когда столько глаз смотрят на тебя... Оценивающе? С сочувствием? С соперничеством? Ободряюще?

Пожалуй, последнее. Улыбнувшись и пожелав всем доброго утра, Марта заняла своё место, со сдержанным вздохом кинув взгляд на пустующий в противоположном краю стола высокий стул Жильберта. И дрогнула в удивлении: тарелка для завтрака была на месте, мало того – поджидал кофейник с курящейся струйкой пара из носика, будто герцог и впрямь зайвится с минуты на минуту. Очевидно, это была какая-то местная традиция – так вот напоминать о том, кто сейчас в пути, и ждать, что он скоро вернётся.

Рядом с Мартиным прибором стоял в крошечной вазочке букет её любимых фиалок.

Суровый Максимилиан Фуке улыбнулся ей одними глазами. Матушка Аглая почтительно наклонила голову. Леди Гейл так и впилась взглядом в сеточку, подарок Жильберта, и по глазам её можно было просчитать имена всех знакомых модисток, у которых Белорукая постарается непременно обзавестись такой же прелестью. Благородный господин Суммир, приложив поочерёдно ладонь к глазам, устам и к сердцу, в очередной раз назвал её прекрасной пери. Лакей в белых перчатках трепетно, словно священнодействуя, наклонил молочник над Мартиной чашкой. Все знали, что, подобно тому, как его светлость неравнодушен к «раскалённому» кофе, так и её светлость обожает пить по утрам горячее молоко и любоваться при этом фиалками, а желания юной госпожи здесь угадывались на лету...

Всем прочим предлагали новомодный чай, и – специально для прекрасной Фотины, находящейся в интересном положении – фруктовый йогурт, волшебный молочный напиток долголетия и здоровья, пришедший в Галлию с отдалённых Балкан. Горы булочек с корицей и витых рогаликов, вазочки с творогом, сдобренным изюмом и сочными грушами, соблазнили женскую половину стола. Мужчинам, как более отягощённым дневными трудами, а, стало быть, нуждающимся в подкреплении сил с самого утра, предлагались паштеты в ещё горячих глазурованных горшочках, рыбка, жаренная на вертеле и исходящая соком. Но: при этом на столе не было ни капли вина, что, хоть и не характерно, как Марта недавно узнала, для состоятельных домов, но в Гайярде считалось в порядке вещей. Вот почему во владениях матушки Денизы, бессменной главнокомандующей обеих кухонь, всегда были наготове чаны с ягодным и фруктовым взваром, морсом, а зимой – с настоящим «сбитенном», рецепт которого капитан Винсент по настойчивой просьбе родительницы выпросил в русском посольстве. Да, пришлось бравому капитану взять на себя эту миссию лично, ибо при первой встрече с Аглаей, слишком уж лукаво подкручивал пышный ус дюжий посольский повар Феодор, ростом и статью более подходящий для кулачных боёв, нежели печных ухватов. И капитан, всерьёз и небезосновательно забеспокоившись, не западёт ли маменьке в сердце мечта о далёкой северной стране с её дикими, но могучими и обаятельными «казаками», осмотрительно взял на себя дальнейшие переговоры.

С той-то поры и пристроилась перед очагом матушки Аглаи необъятная медвежья шкура, подарок-таки улыбающегося и щедрого на любезности Феодора. В кухонных же кладовых Гайярда значительно расширились полки для душистого перца, гвоздики, кардамона, лаврового листа, а в зиму ставились несколько дополнительных бочонков мёда – специально для дивного напитка, нехмельного, вот чудо, но согревающего и тело, и душу даже в самые сильные морозы.

...А пока на дворе ранняя осень – пили чай, морсы, горячее молоко, ели свежий душистый хлеб с хрустящей корочкой и ещё тёплым мякишем, на котором аппетитно таяло жёлтое масло. С надломов булочек, обмакнутых в мёд, срывались янтарные тягучие капли, прозрачные, как слеза, велись за столом неспешные разговоры... И уже не замечались лакеи, выстроившиеся вдоль стен столовой в готовности к перемене блюд, и страх молодой герцогини перед одиночеством и собственной неумелостью растворялся окончательно, ибо невозможно быть одной, когда столько добрых и понимающих людей рядом.

Всё это было так непохоже на прошлую жизнь, на тяжёлые деревенские утра, когда в отапливаемой лишь кухонной печью комнатухе собиралась за скудной трапезой семья мастера Жана, когда под бдительным присмотром Джованны Марта едва не давилась кашей, а в иное время и сама делилась порцией с братишками – подрастающими, а потому вечно голодными... Когда неизвестно что мог принести очередной день, а завтрашний был ещё страшнее, ибо призрак злой воли барона де Бирса напоминал о себе постоянно, и даже могучие кулаки кузнеца могли оказаться бессильны перед всемогущим самодуром...

Марта обвела взглядом мирно беседующую компанию.

Сейчас они закончат – и разойдутся по дневным делам. Обычно они с Доротеей в это время приступали к занятиям в библиотеке. Нынче расписание пересмотрено, и сперва Максимилиан Фуке сделает ей краткий доклад о делах, требующих при рассмотрении в суде её личного участия – ежели таковые к настоящему моменту накопились, затем подаст бумаги, приготовленные на подпись и разъяснит суть каждой, ибо нет ничего хуже, как подмахивать документы, не вникая в содержание. У неё аж ладони взмокли от волнения. Оставалось надеяться, что прошений и приказов будет не слишком много. А в самом конце... герцогиня она или нет? она прикажет... нет, на это у неё ещё пороку не хватит, а вот распорядиться, посоветоваться... Да. Посоветоваться с Максимилианом насчёт того, что можно сделать для жителей Сара. Узнать, как справляется с делами новый управляющий, прибывший из Фуа, всем ли дана работа, готовы ли к зиме крестьянские дома, не появились ли в округе новые шайки. Довольны ли прихожане вновь прибывшими пастырями. Нет ли от кого жалоб. Не досаждают ли соседи-дворяне, потому что осень – пора охот, раньше по скошенным полям частенько проносились кавалькады бесцеремонных баронов и графьёв, пользующихся снисходительностью, а затем и хворым состоянием барона де Бирса. Этак они ещё долго по привычке могут безобразничать да обижать селян, и за девушками охотиться вместо дичи! Пора отваживаться.

И многое чего пора. Герцогиня она или нет?

Глава 2

Марта очень старалась, чтобы букочки выходили ровные и округлые, кал-ли-гра-фи-ческие, хотя бы вполовину похожие на оставленные рукою мэтра Фуке заметки в справочниках и словарях. У того даже мелкая скоропись выглядела, будто её набирали типографским шрифтом, ну просто чудо-буквы, сиди и любуйся. Вот бы дорасти до такого мастерства! А уж до тётушки Доротеи ей трудиться и трудиться. И то сказать: выучку бывшей Итонской пансионерки не переплюнешь. Науку письма в девиц там вбивали жёстко: за кляксы и помарки лупили розгой по пальцам, сажали в тёмный чулан; ошибки и описки тоже карались. Конечно, девиц благородного и духовного сословия не пороли, дабы не ставить на одну доску с чернью, но вот без обеда и без ужина оставляли часто. Оттого-то, должно быть, почерк у госпожи Смоллет был на редкость красив, об этом даже её подруга, графиня, упоминала.

Где уж Марте!..

Впрочем... Она заулыбалась, кинув взгляд на лист бумаги с поручениями супруга Жильберта д'Эстре ей лично на время его отсутствия. С «домашним заданием», как он сам выразился. Буквы Жилия чрезвычайно походили на него самого: ни одна не стояла в строю ровно, как солдат, все они словно напряглись в ожидании, когда можно, наконец, сорваться и полететь прочь, по делам. Мол, зачитала нас, и хватит, мы тебе больше не нужны, чего выстаивать зря? В отличие от образцовых прописей Доротеи, они были напрочь лишены всяких украшательств – равно как и камзолы того, чья рука их торопливо выводила. Видно было, что кал-ли-графия как таковая герцога заботила в последнюю очередь. Однако и у него, и у Фуке, и у наставницы не проскакивало в письме ни помарки, ни кляксы, а вот у неё...

Юная герцогиня опустила глаза – и, с огорчением посплюнявив очередное пятно на пальце, попыталась оттереть засохшие чернила тряпицей, специально для сего дела припасённой. (После ужасной, как ей казалось, порчи носовых платков она упростила Берту раздобыть несколько клочков ветоши, которую не жалко сразу выбросить.) Да, с письменными принадлежностями всё ещё не удавалось подружиться.

Начать с того, что она не привыкла к перьям вообще. Дома у дяди Жана если и случалось писать, то мелком на дощечке или огрызком карандаша на грубой бумаге, оказавшейся в доме случайно. Нынешнее перо было тоньше карандаша, потому-то Марта никак не могла приспособиться, пока тётушка Дора не предложила ей вместо гусяного лебяжье пёрышко. Оно гораздо удобнее легло в щепоть и по бумаге скользило лучше, не стопорясь на округлостях; что, впрочем, не спасло сустав Мартинового среднего пальца от твёрдой мозольки. И как это учёные люди целые книги такими перьями строчат?

Трудно было привыкнуть и к долго сохнувшему чернилам. На раз и не два Марта краснела, случайно смазав манжетой свеженаписанные строчки, не присыпанные песком. А ведь песочница, похожая на перечницу, стояла тут же, рядом, в ложе серебряного чернильного прибора, и фигуристая лодочка с бортами, отделанными чернью, так и поджидала, когда в неё ссыплут мельчайший песок, впитавший с бумаги излишки влаги. Испорченный дорогуший бумажный лист приходилось менять, манжеты отстёгивать и отправлять в стирку. Ох, одни убытки... Не говоря уж о расходах на перья и чернила. Мэтр Бомарше как-то проговорился, что с одного гуся, бывают годными для письма два-три маховых пера с каждого крыла, остальные не подходят, вот как. И он же, Огюст Бомарше, бывший писарь, в совершенстве познавший науку затачивания пёрышек, поделился сей тайной наукой, вплоть до того, как правильно обжигать и закалывать кончик после заточки, и как при необходимости экономить, разделяя одно перо на несколько годных к писанию кусочков. Он даже подарил ей крохотный складной нож, так и

называемый «перочинным». Отчего-то после этого подарка писать стало легче. Должно быть, перья, пока их приуговлявали к работе, как-то принаравливались к хозяйке.

Впрочем, если подумать, всё было не так уж страшно. Запачканные пальцы оттирались содой, манжеты отбеливались прачками в специальном растворе, бумага, как оказалось, в Галлии была куда дешевле, чем во всей Франкии: здесь её научились делать на каких-то хитроумных мельницах. А привыкнуть к песочнице было делом времени. Уже и кляксы сажались всё реже, и перья почти не царапали бумагу, но вот буквы изрядно хромали.

Марта ещё раз покосилась на летящие строчки Жильберта.

В конце концов, его почерк не так уж и со-вер-ше-нен. Но ведь разборчив! А что ещё нужно? Это ведь и без того чудо: когда какие-то крючки и палочки, загогулины и петельки говорят человеческими голосами. Того, кто написал, нет рядом, а иногда и в живых, а то, что они хотели сказать – известно. Вот что главное.

Украдкой, хоть никто не подглядывал и не мог заметить такой вольности, она поцеловала кончики пальцев и прикоснулась к посланию мужа. Это тебе мой поцелуй, Жиль. За то, что ты сейчас со мной разговариваешь.

Свечи в канделябре хитро подмигнули, как бы призывая не отвлекаться. И в самом деле, ночь на дворе, добрым людям спать пора, а она всё возится... Нехорошо. Марта поёрзала, устраиваясь удобнее на высоком стуле. Притянула ближе стопку бумаги.

«Драгоценный мой супруг...»

Это обращение всплыло из памяти, как строчка из какого-то романа, и показалось ужасно красивым. Но тут же она испугалась: а не слишком ли напыщенно? Однако зачёркивать слова, рвущиеся из самой души, показалось кощунством. Вздыхнув, написала ниже:

«Милый Жиль! Пишет тебе твоя маленькая неразумная жёнушка, которая пока и двух слов толком связать не может».

Перечитала – и глазам не поверила. И впрямь ведь думала, что не может, а, поди ж ты, так гладко и складно получилось! И хоть выводила фразу долго, но без единой помарочки получилось!

Перевела дух и радостно заболтала ногами. Спohватившись, мысленно погрозила себе пальцем: что это она, как дитя малое! Серьёзное дело, понимаешь ли, «от-чёт», и нечего тут...

«День прошёл... наверное, хорошо. Я с самого утра страшно боялась, что не справлюсь. Но все меня успокаивали, и ты тоже, хоть далеко. Ах, Жиль! Милый!»

Смущённо полюбовалась последним словом. Не слишком ли она несдержанна? Но нет, это вычёркивать она не собирается.

«Спасибо тебе за подарок. Он прекрасен. И фиалки. И стул в кабинете, который сменили нарочно для меня, чтобы был повыше. Я вот пока не поняла, как ты делаешь, чтобы появилась карта Галлии, ты потом научи меня, ладно?»

Написала – да так и залилась краской. С некоторых пор обширный стол в рабочем кабинете мужа будил в ней воспоминания, связанные отнюдь не с государственными делами. А вдруг он прочтёт – и вспомнит о том же? Ой, неловко... Впрочем, нет, здесь он хитро заулыбается, это уж точно.

«Мэтр Фуке учил меня отвечать на Высочайшие Прощения. Хвала Всевышнему...»

Да, кажется, именно так говорится, когда хочется поблагодарить за что-то небеса.

«... сегодня и завтра, а, возможно, и до конца недели в суде не будут рассматриваться дела, требующие Высочайшего Присутствия. Вот какие слова я уже знаю. А прошений было много, я просто вспоте...» (Пришлось-таки зачеркнуть). «...утомилась читать. Но справилась. Были вдовы, которым надо назначить пенсион после гибели супругов на войне. Ой, не вдовы, а прошения от них...»

Наверное, «Ой» не слишком уместно смотрелось в «отчёте», но герцогиня храбро махнула на огрехи рукой. Потом перепишет начисто. Это у неё чер-но-вик – вот и ещё новое словечко, узнанное от мэтра Огюста.

При воспоминании о бывшем писаре мысли её невольно переметнулись на совсем иной предмет. Ах, какие письма он шлёт Фатиме каждый день! Конечно, османочка кое-что и ей давала почитать, они ведь настоящие подруги! Марта невольно расплылась в улыбке, припомнив:

«Возлюбленная горлинка моя!»

Ах, какие слова... Фатима каждый раз плачет, перечитывая, а потом ругается – и называет Огюста дурачком, совершенно не понимающим женщин. Почему? А вот почему.

«Если бы не воля небес, определившая нам родиться в разных державах, удалённых друг от друга, и не удары изменчивой фортуны, отбросившие меня на дно жизни, вследствие чего я вынужден добывать себе и престарелым родителям кусок хлеба насущного – добывать тяжким трудом, не свойственным представителю дворянского сословья... Как знать, возможно, своим супругом вы называли бы не покойного уважаемого мэтра Россильоне, а меня, нижайше припадающего сейчас к кончикам ваших прелестных туфелек с загнутыми носками...»

«Но клянусь вам, сударыня, все силы души своей употреблю, чтобы стереть разницу в положении между нами. И ежели в сердце вашем нет другого любезного друга – заявляю с полной ответственностью, что намерен сделать вас своей дражайшей и обожаемой супругой. Однако дайте мне время, чтобы добиться соответствующего статуса в обществе и предложить вам достойный кров, и обеспечение, которого хватит с избытком не только для наших детей, но и внуков и правнуков. Ибо в последнюю очередь я желал бы называться охотником до приданого, женившимся на золоте и коврах! Ничуть не сомневаясь в благосклонном ко мне расположении и в положительном ответе на свои признания, я, тем не менее, начну серьёзный разговор с вашим батюшкой не ранее, чем он сможет признать меня достойной партией для своей единственной дочери. Однако добавлю, ненаглядная моя небесная пери, что не собираюсь томить вас ожиданиями. Ваш будущий супруг – человек дерзкий, решительный, умеющий рисковать, но рисковать оправданно, а потому уверен: мы скоро будем близки, как того и жаждут наши любящие сердца».

Расчувствовавшись, Марта промокнула слезинку в уголке глаза. Но тотчас испуганно отёрнула руку – не с платочком, оказывается, как думала, а с той самой ветошкой, которой давеча оттирала чернила. Ф-фу, зряшные страхи, другой стороной приложилась, незапачканной, благодаренье Богу, а иначе быть ей сейчас чумазой, как маленькие братцы на уроках чистописания.

Но что же это получается? Допустим, Огюст Бомарше, такой славный молодой человек, такой умный, такой... достойный, ей-богу! – считает себя пока чересчур бедным, чтобы просить руки богатейшей вдовы, а подозрения в возможной корысти для него оскорбительны. Это ещё понятно. Но почему почти так же думает о себе мэтр Максимилиан? И стоит ли писать об этом Жильберту? Ведь они не просто герцог и секретарь, они ещё и друзья; вдруг Жиль как-то поможет ему советом? В деньгах-то вряд ли есть нужда, секретарь всё равно что министр, и жалованье у него порядочное, да и дом есть за городом, не дом даже, а маленький замок, как однажды проболтались Берта и Герда, а рядом виноградники. Поговаривают ещё, что есть у мэтра Фуке пай в каких-то важных торговых компаниях, это тоже больших денег стоит. Его милость, похоже, человек очень состоятельный, но на сегодняшний невинный вопрос Марты – когда же, наконец, он сделает предложение известной им обоим даме – лишь сверкнул глазами и коротко ответил: «Она теперь намного выше меня по статусу. Недостоин. И оставим это».

Вот дела...

Возможно, у него нет титула?

Нет, об этом она писать не будет. Лучше потихоньку расскажет Жилю, когда тот вернётся. Пусть сам разъяснит, в чём тут загвоздка.

Машинально прикусила кончик пёрышка.

Вот ведь как получается...

Уже после их с Фуке уроков... то есть занятий государственными делами в Гайярд пожаловал сле-до-ва-тель из особой службы, и, поскольку Марта всё-таки Высшее Лицо, зачитал в присутствии её и герцогского секретаря, а «также заинтересованных лиц, а именно – наследницы вышеописанного недвижимого имущества, земель и денежного состояния, равно как ценных бумаг, госпожи Доротеи Августы Терезии Смоллет-Фицкларенс, в девичестве Глюк, а также же сестры бывшего владельца оных недвижимости, земель и прочая... госпожи Изольды Элизабет Гейл, в девичестве Смоллет-Фицкларенс»... Ух, какие длинные фразы она научилась запоминать! В общем, оказалось, что на наследство Доротеи, не зная, что она, единственная претендентка, жива и здравствует, разинул рот ни кто иной, как сэр Джордж Вильямс Гордон, посол короля Генриха. Оказывается, он был дальний-предальний родственник Смоллетов, седьмая вода на киселе, как говорится, да ещё от какой-то не совсем законной побочной ветви. У него в прадедах был королевский бастард, хоть и королевский, но бастард, а это делало права британского посла на «вышеописанное недвижимое имущество» весьма шаткими – по крайней мере, пока живы законнорожденные наследники.

Как ни прискорбно, он решил проблему в своём стиле, жёстко и беспринципно. И первый шаг сделал давно, много лет назад, после назначения Александра Смоллета, начинающего, но уже подающего большие надежды дипломата, в Галлию, страну, на которую у островной державы были весьма и весьма крупные планы. Алекс был удостоен нового поста не за происхождение, не за взятки, не про протекции, а за свои исключительные таланты на политическом поприще, за ум, находчивость, блестящее умение выводить из тупика самые сложные переговоры. Но Гордон, снедаемый завистью, упорно твердил, что «этот выскочка» его обошёл, унизил, подставил... ибо сам метил на его место.

А тут ещё фамильный замок, имеющий уникальный секрет, о котором нынешнее поколение владельцев, скорее всего, не знало, иначе пользовалось бы... Где-то в недрах его древних подвалов был замурован тайный Старый Портал, такой же, как в заброшенном имении неподалёку от Эстре. Прямое сообщение «Галлия-Бриттания», с мгновенным перемещением, минуя таможи, осмотры; исключительная возможность для тайной, а главное – скорейшей переброски сведений, депеш, доносов и нужных людей. Лазейка для бегства, в конце концов, или для отступления. Но всё это ещё нужно было найти, активировать, а прежде всего – заполучить во владения. Поэтому-то так необходимо было убрать Александра Смоллета. Вытурить его – и не только с тёплого местечка и с политической арены, но из жизни вообще. Устранить исподволь всех претендентов на вождельный замок.

Чего-чего, а терпения Гордону было не занимать. И цель, маячившую впереди, он вполне обоснованно с точки зрения своей циничной логики считал оправдывающей средства.

Менталисту, вытянувшему из предсмертных минут британского посла груз воспоминаний почти двадцатилетней давности, пришлось нелегко. Свалившаяся лавина информации едва не вышибла из него дух, и пришлось, по приезде в Эстре, спешно делить сей клад ещё с тремя коллегами, а потом уже сортировать, отделять зёрна от плевел... Помимо истории с молодым загубленным послом, было вытащено на свет божий много грязи. Но то были совсем другие и чужие судьбы, а потому разговор о них вёлся в иных местах и попал в совсем иные архивы.

И про это Марта тоже расскажет Жилю, но при встрече. Сейчас у неё просто не хватит терпения расписать на бумаге изобилие новостей. Это ж полночи шкрябать, не меньше, а у неё уже глаза закрываются от усталости! Встряхнув головой, она поправила съехавший на ухо ночной чепчик и продолжила:

«...Были два прошения о снаряжении иск...экспедиции в Новый Свет, в страну Эльда-рада, пишут, что за золотом, и очень красиво расписывают, как оным золотом даже золотят вождя во время какого-то ежегодного празднества».

Слишком много «золота». Ничего, потом она перечитает – и перепишет набело, убирая лишние слова. Может, дать сперва Доротее на проверку? Нет-нет, Марта должна сама справиться и показать, на что способна.

«На это мэтр Фуке справедливо заметил, что сведения из легенды, не подтверждённые точными свидетельствами очевидцев, ещё не факт, а экспедиция обойдётся очень дорого. Лучше мы вызовем подателя второго прошения, который предлагает поход в Старую Индию, а именно – на остров рядом с ней (прости, Жиль, забыла, как он называется) с учреждением Большой Чайной Компании. Этот почтенный купец, оказывается, хорошо знаком с нашим Суммиром и готов снарядить караван с ним вместе. Ему не нужно от нас слишком много. (Ничего, что я так пишу – «от нас»?) Только лицензия, помощь в приобретении трёх кораблей и ма-аленькая льгота при ввозе. Это называется «ввозная пошлина», я запомнила. Жиль, я думаю, что можно им разрешить эту экспедицию, потому что она пойдёт на пользу не только господам купцам, но и Галлии. Наш чай будет лучше того, что привозят в Бриттанию, а мы – повысим вывозные пошлины, потому что у нас будет «монополия», кажется так.

А ещё были просьбы о рассмотрении нескольких дел по разводам, и тут... прости, Жиль, я подписала только одну из трёх. Там супруг бьёт жену плёткой и тростью, хоть она графиня, а он граф. Напьётся – и измывается. Говорит, что перед Богом она его собственность, хоть и титулованная. А я не знала, что графья... графы могут себя вести, как напившиеся мужики. Оказывается, могут. Раньше его действительно нельзя было наказать, но Максимилиан сказал, что сей граф ещё не знает о новой поправке к закону о браке, которую ты ввёл три недели назад, и теперь этого «прохвоста» можно запросто отдать под суд. Наказывать не будут, а штраф в казну возьмут. Я так и распорядилась. Пусть судят. Это ведь справедливо, да?

А два других прошения оставила. Там супруги то ругаются, то мирятся. Вдруг ещё пере-думают?

А ещё три... Ой, Жиль, там просто и смех, и грех. Один рейтар встречался сразу с тремя девушками. И так уж получилось, что все три оказались от него в тягости, и он каждой поклялся жениться. Представляешь? Вот все три на него тебе и пожаловались. Одной он поклялся Святой Агнессой, что женится, другой – Святым Франциском, третьей – самой Богородицей. И как тут быть? Жениться он не желает, выкручивается, что если выполнит слово, данное одной, непременно обидит двух прочих святых. Вот хитрец! Тогда я послала письмо Его Высокопреосв... отцу Бенедикту, нельзя ли этому рейтару жениться сразу на троих. Иначе, как клятвопреступника, его должны заклеить трижды и сослать на галеры на тройной срок. Пусть уж лучше женится. И девушки не обижены, и дети законные... И ведь отец Бенедикт нашёл лазейку! Оказывается, лет десять назад, после войны с Бриттанией и чумы по Европам, Папа издал буллу – это такой Папин Указ – и разрешил крестьянам и лицам воинского звания брать двух и трёх жён. Вдов в ту пору оказалось много, а мужского населения мало. И вообще – населения. Правда, указ закончил действие три года назад, но отец Бенедикт сообщил, что обратится к Папе Аврелию, создать «ин-ци»... нет, не запомнила это слово... В общем, чтобы другим неповадно было клясться всеу и дурить девушкам головы. Набедокурил – женись.

Ещё он почему-то написал, что с тремя женщинами жить не так страшно, как с тремя тётками. Жиль, это действительно так трудно? Может, я слишком жестока?»

И тут Марта загрузила. Вместе с прошениями о разводах были поданы разрешения о заключении браков: обязательное условие для женитьбы дворян. Герцог, как пастырь особ дворянской крови, должен был следить за соблюдением чистоты оной, а потому вправе был запретить мезальянсы. И как тут не вспомнить, что они-то сами – до сих пор не венчаны в Святой Церкви!

Поэтому о браках она не упомянула. Вдруг подумает, что Марта на что-то там намекает... Куда им венчаться, когда, согласно сказке, что придумали Жильберт с капитаном Винсентом, супруги Эстре изначально были женаты, просто потом настоящую герцогиню украли, а потом вот – вернули... Печально.

«...И на этом разбор бумаг закончился. Я даже не поверила, что всё. А мэтр Фуке поздравил меня «с приобщением» и сказал, что теперь я и сама вижу, что не так это страшно – руководить государством. Что за большущие дела мне пока рановато братья, вот и учусь на малых. И что на сегодня самое страшное позади. Ой, он просто сказал, что главное позади, а что «страшно» – это я от себя так подумала.

А потом я попросила мэтра Гийома показать мне галерею твоих предков, как ты и велел. Какие там все мужественные и красивые! Почему я раньше не видела это крыло? И мэтр Гийом, когда первый раз показывал мне Гайярд, сюда меня отчего-то не приводил, а сегодня очень этому удивился.

А ещё мы вместе с ним поднимались на Ту Самую Башню. Не волнуйся, там совсем недавно сделали перила, никто не слетит со ступенек. Там холодно, я догадалась захватить пушистую накидку. Я всё жду, когда же прилетит... Ну, ты понял, кто. Но его не было. Хотя, когда я увидела какую-то большую птицу, то приняла её издалека за... Ты понимаешь, за кого. Потом она будто обо что-то ударилась и отлетела, и даже словно вспыхнула...»

Подумав, Марта решительно вычеркнула последний абзац. Не надо волновать Жиля. В том, что произошло, нет ничего особенного, ей так и объяснил старенький управляющий: об эту пору начинают вылетать за добычей молодые ястребы, и один из них случайно завернул к Гайярду, хоть они обычно избегают городов. А тут, над замком, от хищных крылатых поставлена магическая защита, вот птицу и отбросило. С ней ничего страшного не случилось, просто слегка оглушило.

...А как интересно было в картинной галерее! Жи-во-пись, порт-ре-ты... Это как застывшая в красках музыка. Такие прекрасные лица у предков Жильберта, такие живые, что трудно поверить, будто эти люди царствовали много-много лет и даже веков назад. Ах, какая красивая у него матушка, и как, оказывается, похож на неё Жиль – и глазами, и пышной шевелюрой цвета воронова крыла, и улыбкой, и статью... От отца, Старого Герцога, как с почтеньем назвал его мэтр Франсуа, молодой д'Эстре унаследовал не только рост, но и характер, решительность, и острый ум, и... Тут управляющий запнулся и поспешно добавил: и многое другое.

Почему-то Марта никак не могла вспомнить лица Старого Герцога. Пышный парадный камзол, герцогская мантия, венец, даже драгоценные пряжки на туфлях – всё так и всплывало перед глазами, а вот лицо... Завтра надо будет наведаться туда ещё раз. От портретов веяло теплом и дружелюбием, и из галереи она выходила со стойким ощущением того, будто только что познакомилась и наговорила с очень хорошими людьми.

...Она тщательно присыпала написанное песком: хоть и черновик, но надо приучать себя к порядку! Выждав, пока впитается излишек чернил, ссыпала в серебряную лодочку, погасила свечи кроме одной...

Забыла. Забыла, что, по всем правилам, письмо надо закончить!

Схватила пёрышко и торопливо накарябала, уже не заботясь о ровности букв:

«Твоя любящая и любимая жёнушка Марта. Пусть у тебя всё будет хорошо, Жиль!»

И торопливо, ёжась от холодящих паркетин, пробежала через спальню, кажущуюся при свете свечи необъятной, ощутила ногами сперва пушистый, по щиколотку, ворс персидского ковра, затем гладкость приставной скамеечки, подпрыгнула – и упала в холодную постель. Рядом тотчас рухнула откуда-то сверху тёмная кошачья тушка. Маркиз затарахтел, утаптываясь и вертясь на соседней подушке.

Марта с облегчением засмеялась. Ну вот, она и тут не одна! Теперь можно спать спокойно.

...Максимилиан Фуке внимательно и уже в третий раз выслушал рассказ управляющего. Потыкал носком сапога полуобгоревшее кожистое крыло летучей твари, чьи острые зубы в длинной, вытянутой, как пила, пасти сверкали угрожающе даже сейчас. На передних резцах застыли сине-зелёные подтёки. Похоже, тварь была ядовитой.

– Химера? – проговорил задумчиво. – Так вы утверждаете, мэтр Гийом, что она неслась прямо на вас?

– Точно так, господин Фуке, и не иначе. Понимаете... От сами знаете кого... – замялся, – у меня осталось умение определять траекторию полёта крылатого существа. Да и, так сказать, намерения этих существ я тоже...

– Неужели до сих пор чувствуете?

В голосе герцогского секретаря сквозило отнюдь не недоверие, нет – нескрываемое уважение. Управляющий расправил плечи, с хрустом выпрямив обычно согбенную по-стариковски спину.

– Точно так, сударь.

Оба кинули невольный взгляд на то, что осталось от летающего монстра.

– Значит, намеренное нападение. – Макс Фуке сдвинул брови. – Траектория, говорите...

А откуда, в таком случае, *она* летело? Не та ли это химера, что прижилась на куполе храма Серафима Эстрейского?

– Что вы, мэтр! Та безобидна, да и огнём-то её можно разве что шугануть, она ведь каменная. Её бы просто отшвырнуло защитной магией. От этой же, сами видите...

Старик сглотнул, явно переживая очередной приступ тошноты.

– Остались почти одни кости... – подытожил его собеседник. – Живая. Была...

Луна высвечивала странную, сюрреалистическую в своём мертвенно-бледном свете картину: две человеческих фигуры среди жидкого паркового подлеска, блеск речной глади невдалеке, огоньки, похожие на светлячков, но образующие слишком уж правильную окружность вокруг этих двоих. И какую-то грудку костей, сваленную неаккуратной кучей. Лишь удлинённый череп с челюстями-пилами был, казалось, совершенен в своём безобразии...

– Позвольте заметить, – нарушил затянувшееся молчание мэтр Гийом. – Я... я говорил вам про намерения, которые слышу? Так вот, в тот момент мне показалось...

Он смешался.

– Говорите, друг мой, – подбодрил его секретарь.

У старика вдруг задрожали губы.

– Я испугался. Когда *она* рванулось к нам, я вдруг явственно ощутил, что этой твари нужна молодая госпожа. Только она. На меня она и не глядела.

– Хотела убить? – свирепо уточнил Фуке.

Прикрыв глаза, старик отрицательно покачал головой.

– Ох, нет... Схватить. Унести прочь. Украсть. Её кто-то послал, эту тварь, послал за нашей госпожой!

...Им даже не пришлось расквартировываться по домам. Бравые рейтары всего лишь немного потеснили городскую стражу – и не сказать, чтобы сильно, поскольку Роанские казармы, как и все подобные строения в мало-мальски развитых городах Галлии, были возведены с изрядным размахом, в расчёте на то, чтобы, не приведи Господь – случись новая война – вместить свежий приток воинских сил. Да и местным ветеранам не терпелось узнать новости от «своих», не штатских, к тому же ещё и участников недавних событий в Саре. Ведь редко кто слышал о победах над дикими орками, а уж чтобы против них ударили братья-рейтары – до сей поры подобного не случалось. Поэтому не было слушателей внимательнее и благодарнее, чем городские стражники, чьи капралы уже брали на вооружение новый боевой опыт. А уж

от местных «граций», слетевшихся полюбоваться и предложить любовь новым героям, впору было ставить дополнительные караулы.

Капралы ревниво хмурились, Чёрные Всадники ухмылялись, но местных кавалеров не провоцировали, как-никак, они здесь по делу. А дисциплина в них была вбито крепко, ибо своим местом в «Чёрной полусотне Модильяни» дорожил каждый

И хвала Всевышнему, что известие об эпидемии не подтвердилось, не нужно теперь отвлекать людей на кордоны вокруг города, набирать добровольцев в похоронные команды. Нет, тревога не оказалась ложной, оспа в городе всё же имела место быть. И даже собрала небольшую жатву: умерло четверо зрелых людей и девять – преклонного возраста, а вот дети болели как-то легко и, похоже, стараниями местных докторусов шли на поправку. Именно на это обстоятельство обратил внимание Поль Вайсман, сразу по прибытии и представлении бургомистру внимательно зачитав истории болезней, составленные педантичными медикусами, прежде чем самому отправиться в лазарет, куда свезли больных.

Надо было видеть кислые мины Роанских светил от медицины, волею судьбы присутствовавших тут же, на Совете городских Старшин, и теперь вынужденных отчитываться перед «столичной штучкой» в лице мастера Вайсмана! Который до недавнего времени в их глазах был никто и звался никем, подумаешь, приехал с дипломом, подумаешь... племянник прославленного Парре! Ты сперва докажи, что сам из себя представляешь, послужи, поклоняйся, заработай себе пациентов, денег и репутацию... И неважно, что за два года пребывания маленького доктора в Роане ему немало досталось тычков и злословий от ревнивых коллег по гильдии. Сейчас все, как один, были уверены, что именно они и благодетельствовали, и покровительствовали, что лишь при их воздействии, и не иначе, выскочка приобрёл известность и быстрорастущую славу и заимел прекрасных клиентов аж в Эстре, а теперь, видите ли, пользуется милостями Самого...

Подумать только! Самого герцога! Не иначе, как за какие-нибудь особые тайные заслуги, о которых в порядочном обществе и говорить стыдно.

А самое досадное, что Поль Вайсман чихал на их сегодняшнее подобострастие, относясь к нему с тем же равнодушием, с коим два года подряд выдерживал подножки и нападки, а то и клевету. Знаем мы это равнодушие, читалось на брюзгливых физиономиях Роанских эскулапов: ещё немного – и юнец войдёт в силу при дворе, и припомнит им всё... Поэтому – придётся его терпеть.

Юнец тем временем собрал воедино картонки с описанием болезней. Выравнивая, с шумом прихлопнул краем стопки по столу. Наиболее нервные представители гильдии медикусов, которых здесь собралась без одного дюжина, вздрогнули.

– Итак, – скучным голосом начал Вайсман Поль Мари. – Вы хотите сказать, что никто из вас не обратил внимания на характер сыпи? На то, что она локализуется, в основном, на лице и груди, а на волосистой части головы, на руках и в паху, и главное – на слизистой её почти нет? И на характер везикул, находящихся в разной стадии, когда на теле одновременно свежие, созревшие и подживающие пузырьки? И, кстати, почему я не вижу мастера Гейдриха? Уж кто-кто, а он-то мог отличить оспу чёрную от оспы ветряной, хоть и видоизменённой.

Старший докторус поджал губы.

– Вольно же вам судить со стороны, молодой человек. Видите ли, первые проявления недуга у всех заболевших были весьма тяжелы, сопровождались жаром и бредом, а главное – сильными болями в крестце и пояснице. Иначе говоря, налицо ярко выраженные симптомы Вариолы Маджор, оспы обыкновенной. К тому же, болезнь охватила несколько кварталов, а наша гильдия была обезглавлена... да-с, обезглавлена в первые же дни! Докторус Гейдрих, о котором вы упомянули, увы, попал в число её первых жертв...

– Как наиболее пожилой, а, значит, ослабленный... – пробормотал Вайсман. – Очень жаль. Стало быть, это он обозначен в ваших записях просто инициалами NN. А как же –

«Врачу, исцелился сам»? Или поэтому вы не захотели афишировать его имя? Естественно, кто же после этого...

Доктор сердито фыркнул, лица же его цеховых коллег пошли красными пятнами.

– Лучший специалист по детским болезням! – сердито крикнул Вайсман. – Именно он первым догадался, в чём дело! Неужели он не успел поделиться своими соображениями? Наверняка успел! Но никому в голову не пришло принять его слова на веру, а ведь какой умница был, но нет: вы и после смерти его заклевали, как клевали при жизни. Неужели вы не видите, что здесь, скорее всего, мы имеем дело с варицеллой, оспой ветряной, которой дети перебаживают легко, а взрослые – чем старше, тем тяжелее?

– Господин Вайсман, – робко вмешался бургомистр, – но ведь... вы понимаете... Вот мэтры Симон и Рошан – те ведь то же, что и вы, твердили, не чёрная, мол, не тяжёлая – детская оспа, оттого детишки-то и выздоравливают потихоньку, но это ж сейчас, а до того... Очень уж страшно у всех начиналось. Вот мы и переполошились: а вдруг – оспа настоящая?

– Здраво, – неожиданно вмешался, до сей поры занимавший позицию стороннего наблюдателя, капитан Винсент. – Одобряю, господин Маррель, и всецело поддерживаю ваши действия. В подобном случае лучше подстраховаться. Уймите ваш пыл, мэтр Вайсман. Даже если на тысячу больных попадётся один с оспой чёрной – это порушит все ваши доводы. И позвольте напомнить, что сейчас время не для разбирательств, а для конкретных действий, а посему, как бы я ни доверял вашему авторитету, но посоветовал бы убедиться в правильности заочных диагнозов, а затем совместно с присутствующими выстроить план дальнейших действий. Господа медикусы, господин бургомистр, повторяю: я признаю ваши действия правильными и одобряю их. Благодарю за бдительность. Оцепление вокруг лазарета и посты на дорогах поставлены грамотно, кварталы патрулируются вашими людьми, я видел; охранные задымления организованы. Прекрасно. Я доложу его светлости, что перед лицом возможной эпидемии вы не дрогнули и оказались на высоте.

Бургомистр, ещё не старый, довольно-таки крепкий мужчина, слабо улыбнувшись и побледнев, приложил руку к сердцу и церемонно поклонился. Медикусы вздохнули, как один, кое-кто украдкой перекрестился.

Не обращая внимания на насупившегося докторёнка, капитан продолжил:

– Итак, господа, в лазарет!

... – А вы что же думали? – сквозь зубы выговаривал он позже хмурому подопечному. – Что, едва приехав, я развяжу здесь побоище и начну выжигать огнём заразу и ваших недоброжелателей? Уймите страсти, дорогой мой. Похоже, вам пришлось порядком натерпеться от этих индюков. Оно и понятно, молодёжь всегда изводят, особенно способную; но ведь других специалистов здесь нет! А они, что ни говори, всё же медики, и ланцет от клистира отличить умеют. К тому же, среди них есть и достаточно здравомыслящие.

С каменным лицом Поль Вайсман пришпорил свою каурую лошадку.

– Я вас понял, господин капитан.

– Бросьте дуться, дружище. Вы приедете и уедете, а они останутся пыжиться в своём кружке избранных. Вам, кстати, выпадает шанс за время своего присутствия как следует покомандовать. Я, видите ли, от имени его светлости вправе наделить вас полномочиями. Хотите?

– Мне тут ещё жить. – Доктор упорно избегал смотреть в сторону собеседника. – Что вы так смотрите? Я не какой-нибудь приживал – окопаться навечно в вашем Гайярде. У меня есть постоянные пациенты помимо уважаемой госпожи Россильоне; к тому же – лаборатория, я её два года собирал по колбочкам и ретортам, даже сам поставил вытяжку. Это всё здесь, в Роане, и убираться отсюда на радость им – он кивнул на возок с эскулапами, плетущийся позади, – я не собираюсь. Я просто делаю своё дело. И покровительство ваше мне...

Угрюмо замолчал, опустив глаза. Капитан же лишь пожал плечами.

– Ошибаетесь, дружище. Это не покровительство. Я, как и вы, исполняю свой долг, но не примешиваю к тому личные счёты. И не ершитель вы так, в конце концов! Мы с вами, пройдя через порядочную заваруху, всё же успели немного узнать друг друга, и я отлично понимаю, что иголки, которые вы растопоршили, не оружие, а защита. Я не покровительствую. Я помогаю. И не будь даже задания его величества, сделал бы это просто по-дружески.

Щёки маленького докторуса вдруг запылали.

– Как вы можете?

Похоже, у него сел голос.

– Почему вы... Я же грублю вам постоянно, а вы даже не обижаетесь! – выпалил он чуть ли не сквозь слёзы. – Почему?

Капитан снисходительно пожал плечами.

– У меня правило: не задирать новобранцев. Им и без меня достаётся от капралов и лейтенанта. Они воспитывают зуботычинами, я – личным примером. Капралов у вас, как я погляжу, хватает, так что я, со своей стороны, пожалуй, оставлю всё, как есть. Грубите, дружище, я потерплю.

Докторус глубоко вздохнул, поёрзал в седле и... промолчал.

– И потом, – немного мягче добавил капитан, – умеете же иногда быть беспристрастным! Эти почтенные старцы не зря нашивают свои не менее почтенные мантии. Пока вы занимались изучением истории болезни, я ознакомился с их отчётом. И что же! Они остановили распространение болезни почти за двое суток! Отдельно разместили явно болящих, изолировали их семьи и оставили практически под домашним арестом всех, с кем члены этих семей могли общаться ближайшие двадцать дней, ибо...

Докторус потерянно кивнул. Ибо столько в заражённом организме вызревает болезнь, пусть даже ещё не выявленная глазом.

– У стариков богатейший практический опыт, чего у вас пока, простите, маловато. И я уверен: не дай Господь, заявилась бы чума! она не прошла бы дальше Роана. Знаете, почему? Потому что эти, столь неуважаемые вами, может, и заслуженно, личности, умеют отлично действовать вместе. Мы, военные, называем это «работать в команде». Слаженно. Подхватывая здравые идеи. Отметая на время личный гонор. Оставляя склоки на потом, когда пыль от сражения осядет... А вы? Что вы сделаете один?

Молодой человек сердито мотнул головой и процедил сквозь зубы нечто вроде «Вот ещё учитель нашёлся на мою голову...» Вызвав тем самым благодущную улыбку на лице капитана.

И впрямь, было, отчего прийти в хорошее расположение духа.

Чутьё, никогда досель не подводившее, доложило, что серьёзных баталлий на горизонте не наблюдается. Так, текущая работёнка, совсем не из тех, где счёт идёт на минуты, а то и на секунды... Расслабляться, конечно, не стоит, пройтись державным взглядом и сравнить отчёты с тем, что сделано на самом деле, надо. Убедиться, подправить по необходимости, оставить контролирующих – и можно ехать. Ибо та же самая интуиция нет-нет, да напоминала, что Жильберту д'Эстре на Бургундской границе могут понадобиться и совет, и хорошая шпага. Во всяком случае, лишними не будут.

...А всё-таки хороший городок – Роан! Чуть постарее столицы, оттого и улочки уже, и дома, каркасные, фахверковые, отмечены временем, однако ухожены, подштукатурены. Сточные канавы упрятаны в решётки, что не в каждом городе встретишь, тротуары чисты... На домах, отмеченных болезнью, развешаны веники душистых трав, а перед дверьми курятся жаровни с дымом, не очень благовонным, но целебным. Но прохожие не шарахаются, а лишь старательно обходят мимо, а кое-кто, обвешанный бусами из зубчиков чеснока, ходит смело.

Жаль, не успеет он перед отъездом заехать в нынешний знаменитый собор, красоты необыкновенной, где похоронено сердце короля-рыцаря Ричарда. Проехать бы вдоль Сены,

глянуть на два новых красивейших моста... И ещё, поговаривают, на Улице Больших Часов починены куранты, ничуть не хуже Эстрейских... После. Всё после. У него ещё будет время.

И прогуливаться неспешно, со вкусом, как и полагается старому вояке на заслуженном отдыхе, он хочет не один...

Потом был тщательный осмотр больных, консилиум с жаркими спорами, обсуждение дополнительных методов лечения... Более ни разу молодой Вайсман не повысил голос на коллег, мало того – был тактичен, вежлив и убедителен. Соглашаясь, дополнял. Отвергая, предлагал свои варианты. Под конец дня окончательно было подтверждено, что оспа, напавшая на Роан, и впрямь относится к редкой разновидности ветряной, хоть и протекающей изначально тяжело, но не смертельной, как её страшные родственницы, а главное – излечимой и не оставляющей после себя таких последствий, как слепота, глухота и обезображенность. Необходимость в карантине оставалась, но болезнь была надёжно заперта и охраняема.

Как бы то ни было, а сегодня Поль Мари Вайсман обзавёлся новыми почитателями, и не только среди пациентов. Как следует прожарившись в удушливом уксусном пару и травяном дыму, разившем чесноком и полынью, откашлявшись после, увы, необходимых действий, изгоняющих заразу с одежды и из дыхательных путей, почтенные медикусы распрощались со своим младшим собратом относительно учтиво, даже выразив благодарность за ряд «дельных и неожиданных», по их мнению, советов. Мэтры же Симон и Рошан раскланялись весьма тепло и выразили надежду на возможное сотрудничество в дальнейшем.

Мир, хоть и шаткий, был восстановлен. Капитан, даже не чихнувший во время неприятной процедуры лечебного окуривания – привык к дымам куда ядрёней, вроде серного и порохового! – с удовлетворением кивнул. Теперь его докторёнка не страшно оставлять здесь одного. Уже не растерзают. Да и делом займётся, совместным, кстати, с братьями по цеху, а это сближает. Осталось проводить Поля и оставить распоряжения лейтенанту.

Капитан усмехнулся, отследив, как тоненькая фигурка доктора кое-как вскарабкалась в седло. Устала госпожа Полина Вайсман-Парре. Вымоталась... Нет, он не поможет, и не подсудит. Хочет «доктор» сохранять инкогнито – Бога ради, пусть сохраняет, было бы неучтиво его разоблачать. Пусть пребывает в неведении... до поры, до времени.

...– Лурье, вы всё помните?

Лейтенант залихватски подкрутил чёрный ус и подмигнул.

– Так точно, господин капитан! Уже распорядился. Ох, ребята и ржали, хоть главного и не сообразили... Значит, так: крепкими словами при господине Поле особо не выражаться; нужду не справлять; «граций» в казармы не водить. Сохранность самого господина докторуса блюсти, особенно, ежели начнёт соваться, куда не надо. Не сомневайтесь, присмотрим.

Капитан сдержал улыбку.

– И вот ещё что, лейтенант. Могут быть... инциденты. Я слышал, что нашего дока, и не только его, некоторые здесь не особо жалуют. Когда по городу ходит болезнь – невежи винят тех, кто их лечит. Держите под контролем недоброжелателей, от них всего можно ожидать. Потому-то я и прошу не отпускать его из казарм на квартиру, как бы он не рвался. Надо будет – перевезёте его лабораторию сюда, но без охраны наружу пусть даже нос не высовывает.

Лурье хмыкнул.

– Этак скоро, при таком характере, чего доброго, не мы её... извиняюсь – его, а сам господин Поль моих ребят изящной словесности обучит. Да ещё и на латыни... – Посерьёзnel. – Всё понял, господин капитан. Приглядим и за этим.

– Полагаю, старику Гийому далеко ещё до впадения в детство. Я склонен отнестись к его словам серьёзно.

Капитан Винсент присел на корточки перед полуобгоревшими останками полуптицы-полуящерицы. Потянул носом.

– Тления не чую, но на ту нежить, что не разлагается совсем, непохоже... Ты не смотрел в своих фолиантах, что это за тварь?

Максимилиан Фуке презрительно хмыкнул. Дескать, я, да не узнаю? Щелчком отбросил плавно покружившееся и улёгшееся на плечо кленовое семечко, похожее на печальную бабочку, и только тогда снизошёл до ответа.

– Похоже на помесь виверны и неразумного лесного дракона мелкого вида. Потомство дикое, хоть и приручаемое, и очень агрессивное. А главное – этот смесок из шестиконечных. Видишь? Рабочих лап четыре. Без труда унесёт на большое расстояние овцу или... субтильную девушку.

– Всё-таки попытка похищения...

Выпрямившись, капитан пошевелил носком сапога скрюченную пресловутую конечность. Жёлтые загнутые когти были, что нехарактерно для хищника, скруглены. Или затуплены, дабы не нанести вреда будущей жертве. В самом деле, задумай неизвестный злоумышленник украсть герцогиню Марту, не приняв при этом мер предосторожности – и получил бы полурастерзанное тело, а то и труп. Видавший виды офицер содрогнулся. Если представить, что когти у твари сточены хотя бы на дюйм... Цельными запросто можно прошить рёбра и впиться в сердце и лёгкие. А ухватись дикая виверна за мягкий девичий живот – и корсет не спас бы.

Фуке помрачнел, перехватив его взгляд. Видимо, представил ту же картину.

– Пойдём. Здесь больше нечего делать. Для менталистов эти твари оказались закрыты, кто-то хорошо поработал над их мозгами. Хозяина пока не выявили... Да, я, как и ты, доверяю чутью Франсуа. В былые времена старик с точностью до минуты предугадывал прилёты Армана, и даже мелочи, вроде того, на какую башню он опустится...

Мужчины одновременно повернули головы в сторону главной башни Гайярда, возвышающейся над четырьмя остальными. Обоим почудилась мелькнувшая в прорези зубцов женская фигурка. Оба поморщились, как от зубной боли.

– ...и даже в каком настроении вернётся, – нехотя продолжил Фуке. – Чёрт, я же просил за ней приглядеть; что, никто не мог отвлечь? Спрашивается: что она там высматривает, у всех летающих шпионов на виду?

– Если девушка не понимает намёков, ей стоит сказать напрямик. Обычное дело. Зря ты от неё всё скрываешь, Макс. Её светлость очень ответственна, она поймёт правильно. Я уже имел случай убедиться в её уме.

– Ещё бы. После того, как она разыграла, как по нотам, побег этой шельмы Аннет... И, главное, от кого?

Капитану редко приходилось краснеть, и теперь секретарь его светлости получил возможность налюбоваться вволю. Однако не злоупотребил. Великодушно отвёл глаза и продолжил, пробираясь через подлесок:

– Раз старик Франсуа заявил – «Тварь хотела украсть!» – значит, герцогиню и впрямь хотели украсть. Но это ещё не всё. Я пока не говорил, но троица таких вот красавчиков обуглилась неподалёку тогда же. Они атаковали одновременно с нескольких сторон, понимаешь?

Капитан молча кивнул. Как человеку военному, ему нетрудно было догадаться: владельцем «птичек» была проведена разведка боем. Прощупывалась оборона замка, которая, к счастью, оказалась на высоте.

– Значит, с земли они уже пробовали подобраться, – добавил вслух. Выпутал из зарослей шпагу, упрямо цепляющуюся за колючие ветки. – Теперь мне не кажется странным совпадение во времени наших отъездов... Подкинуть одну-две вещи бывшего больного оспой в бедную Роанскую семью, либо запустить нищего в особых лохмотьях потолкаться в храме – и всё, вот она, эпидемия. Наплести Аквители Восьмой о прелестях исторической родины – и готово дело, подавай нам сюда Бургундию, или хотя бы герцога для переговоров...

Секретарь чертыхнулся. Нехорошо прищурился:

– И герцогиня остаётся практически одна и без охраны. А меня, значит, они всерьёз не воспринимают.

– А ты, Макс, весьма удачно поработал над образом. – Капитан Винсент, продравшись сквозь последние заросли, вышел на свободное пространство и ступил на парковую дорожку. Не удержавшись, поддел друга: – Кто ты есть, в сущности? Сухарь, бумажный червь...

– Но-но!

– Да ты гордиться должен такой личиной! Какой артист в твоём лице погибнет, если ты вздумает проявить себя настоящего... Нерон, не иначе.

И от души полюбовался вспыхнувшим на высоких, почти гасконских скулах эльфа багрянцем.

– Винс!

– Макс! Не ерепенся, мне тут и без того недавно пришлось воспитывать одного ежа... Ежонка, если уж точнее. Вернёмся к нашей теме. Расклад получается таков: Жиль с кирасирами – в Бургундии, я с рейтарами – в Роане...

– Так ты вернулся тайно?

– Да, для всех я ещё разбираюсь с оспой. Сюда въехал через западные ворота, предупредил часовых, чтобы о приезде молчали, даже к матушке не заходил, сразу к тебе. Оставил за себя Лурье с наказом на все вопросы отвечать, что нахожусь где-то поблизости, но занят. У него язык подвешен ловко, что-нибудь наплетёт. Надо будет – представит двойника, такой вариант предусмотрен. Значит, здесь для охраны у тебя лишь небольшой гарнизон Гайярда... Хм. Ну, там люди проверенные. Сопровождение герцогини набирается из них же. Выезды за эти два дня были?

– Нет! – рывкнул Макс. Сердито сверкнул глазами. Очень ему не нравилось, когда капитан переходил на такой вот поучающий тон, будто имел дело с собственными подчинёнными, а не со вторым лицом в провинции. Доверенным лицом! – Её светлость Марта занята тем, что исследует, как ребёнок, ещё неизученные уголки замка, а таковых, пожалуй, – он смягчился, – наберётся изрядно, ей надолго хватит. Во всяком случае, до конца недели провозится. Постараюсь удержать её здесь, как смогу.

Капитан словно не заметил эмоциональных перепадов в настроении собеседника. Но менторский тон смягчил.

– Вот-вот. Удержи. А я, в свою очередь, предупрежу Марка Капета из резервного отряда, что при казармах. Нужны будут люди – обращайся к нему. Да, совсем забыл! На крайний случай – есть молодцы его преосвященства... Хорошие молодцы; сдаётся мне, господин архиепископ доплачивает моим вербовщикам, чтобы они заворачивали с новобранцами не ко мне, а напрямик к нему. Значит, с ним и с братом Туком я переговорю, людей они тебе выделят. Заодно и здешний магический барьер подправят, поскольку атака подобных тварей бесследно не проходит... Не теряйте бдительности, Макс. Атаки могут повториться, причём с виду несерьёзные, похожие на мелкие случайности, но они будут подтачивать купол исподтишка, незаметно.

– Между прочим, тут остаются на посту не глупее некоторых, господин капитан, – чопорно ответил Фуке. – Будьте покойны. Я тоже кое-чего стою.

В преувеличенно любезном поклоне Винсент Модильяни обмахнул перьями шляпы гравий на дорожке.

– Шут, – не сдержавшись, фыркнул секретарь. – Тебе бы вместо Пико верховодить да краснобайствовать.

– Упаси Боже, он слишком ревностно относится к своей должности. Заколет, но не уступит. Порой даже мне бывает неясно, кто же на самом деле управляет этой страной... Боюсь, не справлюсь.

Мир был восстановлен. Некоторое время приятели шествовали молча, думая о своём. По мере приближения к замку у каждого, похоже, созрел план дальнейших действий.

– Всё, дальше я в обход, – заявил капитан. – Матушкины окна выглядывают на эту сторону, лучше не рисковать.

– Когда ты намерен ехать?

– Немедля. Не нравится мне эта ситуация, когда кто-то словно нарочно растаскивает наши силы, дробит по кучкам. Лурье завтра же высылает мне вслед десяток ребят, и через день будет отправлять по столько же, чтобы убыль в Роане была не так заметна. Чем больше нас соберётся рядом с Жильбертом, тем лучше.

– Хорошо. Пройдём ко мне через боковой вход, захватишь два письма.

– Настолько срочные, что ради них стоит задержаться?

С преувеличенной серьёзностью Максимилиан Фуке закатил глаза.

– Нет, конечно, если послание от Его Святейшества Папы Аврелия ты сочтёшь несерьёзным. И от дражайшей супруги его светлости. Что ты предпочитаешь получить за промедление в доставке – хорошую порку или разжалование? Я бы на твоём месте не рисковал ни мундиром, ни задом... прости, седалищем.

– Его Святейшество?

Капитан остановился, будто налетел на невидимую стену.

– Да, представь себе. Похоже, нам не избежать высочайшего визита, причём неофициального. И что это они все повадились путешествовать инкогнито? Однако поспешим.

...Он даже не подозревал, Макс Фуке, чуждый ошибок любого рода, что письмо, запечатанное её юной светлостью под его руководством (ибо в жизни своей Марта не держала в руках сургуча) – являлось, на самом деле, не письмом, как таковым, а черновиком. С самого утра Марта усердно переписала его содержание на беловик, даже опоздав при этом к завтраку, а потом целый час топталась у кабинета секретаря, не решаясь зайти и попросить об услуге – запечатать и надписать по всем правилам! Пришлось Ворону отложить дела государственного значения и взяться за ещё одно, не менее важное. Ибо, как он рассудил здраво, весточка от любимой супруги обладает свойством повышать дух государя и настраивать на нужные решения, даже если разум к тому моменту порядком замутнён дебатами с наиупрямейшими тёмными эльфами. Он-то, Максимаэль, хорошо знал своих земляков, этих твердолобых амбициозных упрямцев, далеко не с лучшей стороны...

Итак, послание было запечатано и приготовлено к отправке с ближайшей оказией, а Марта, чрезвычайно довольная, заторопилась исполнять очередной пункт из оставленного мужем «домашнего задания». Она так постаралась, убрала из предыдущего письма всё лишнее, разные там поцелуйчики и нерешительности, недостойные важного облика герцогини... И хоть самой ей казалось, совсем чуточку, что последний вариант получился каким-то суховатым, без «любви» – но ведь это «Отчёт», в нём не место чему-то легкомысленному.

А главное – на обновлённом письме не было ни кляксочки, ни ошибок, ни помарок. Ровно, чисто, гладенько... Почти как у Доротеи.

Только вечером, роясь в бумагах, она с ужасом и стыдом обнаружит, что перепутала листы. Замечательный парадный беловик остался в ящике стола, а черновик – упорхнул с неизвестным Марте отправителем...

Глава 3

Главное сокровище Бургундии, её чудесные виноградники, щедро прогреваемые солнцем, овеваемые ласковыми тёплыми ветрами, отягощённые золотистыми гроздьями, появились еще со времён кельтов. Потом они долго переходили из рук в руки: сперва галлам, потом римлянам, потом франкам... Пока, наконец, не вернулись под десницу и защиту Галлии. Да и помимо ценнейших лоз, одаривала эта земля многим. Непревзойдённые тонкие белые вина, жёлтые горчичные поля и изумительное душистое масло, Шаролесская говядина, Бресские пулярки и цесарки, рыба в реках, улитки в лозах... Если Лютецию по праву называли сердцем Франкии, Шампань – душой, то Бургундия заслуженно именовалась желудком, сытым, умиротворённым, знающим толк и в изысках и в простоте, любящим и ублажить себя, и побаловать соседей... Воистину, золотое графство.

И уж конечно, представлялось сущей глупостью отдавать такой лакомый кусочек тёмным эльфам лишь из-за того, что вздорной и истеричной Аквители Восьмой взбрело в голову нарушить договорённости стопятидесятилетней давности, якобы давно утратившие смысл, поскольку были заключены с иной правящей династией. Но всего лишь отказать эльфам и выпроводить назад, на Острова, было недостаточно. Требовалось убедить их в смехотворности претензий как таковых, и не только на ценнейшее графство, но и на соседние, в чью сторону остроухие могли обратить раздосадованный после неудачных переговоров взгляд. Не просто вежливо выпроводить, но и заказать дорогу во всю Франкию. Сотни лет эта земля развивалась и процветала без их участия, а теперь вдруг тёмные вспомнили, что первые их короли родились под местными дубами и мастерили свои первые луки из здешнего орешника! Подходящий повод, чтобы загрести плоды труда многих поколений. Ну, уж нет. Дудки.

Его светлость герцог Эстрейский, шипя сквозь зубы что-то явно неприличное, умывался столь яростно, будто желал содрать, счистить с себя всё, что налипло за сегодняшний день. От обнажённого по пояс тела только что пар не валил, настолько Жильберт д'Эстре распалился. Переговоры не сдвинулись ни на йоту. Ах, если бы он догадался сразу прихватить с собой Максимилиана Фуке! Может статься, по определённым причинам дело приобрело бы совсем другой окрас и пошло бы так, как изначально планировалось... Но нет, сам упёрся, что, видите ли, тут ему нужнее окажется Винсент, а Макс пусть разбирает бумажную круговерть и правит потихоньку, как это уже бывало в нередкие дни его отсутствия. Некоторые вопросы секретарю удавалось порой решить удачней, чем самому герцогу, и последний не раз вынужден был признать, что не додумался бы до подобных ходов. Надо думать, и здесь, в дипломатической миссии Фуке не подкачал бы, но... Он в Гайярде. Значит, работаем с тем, что есть.

По знаку камердинера двое лакеев поспешно вынесли из шатра лохань с тёплой водой. Мишель накинул на хозяина полотенце, приготовил чистую рубаху и камзол и бесшумно исчез, по опыту зная, что ещё с четверть часа герцог будет мрачно расхаживать по комнате... вернее, по отсеку шатра, выделенному под рабочий кабинет и спальню; потом завалится отдохнуть. И затребует ужин не раньше, чем через час. Потом будет думать, писать, отдавать распоряжения на завтра, вызывать к себе нужных людей, и утомится лишь ближе к полуночи: темнота не помеха, были бы лампы. Так всегда в походе: ложится за полночь, встаёт с петухами... Хорошо хоть, в дороге не путались с обозами: д'Эстре предпочитал делать быстрые переходы налегке, загодя предупредив местные власти и распорядившись сделать необходимые к его приезду приготовления. Быстрый марш-бросок с одним-двумя перекусами почти на ходу – и, покинув Эстре в ночь, к вечеру следующего дня они были на месте, неподалёку от скромной деревушки между Аваллоном и Дижоном, где на обширной лесной поляне уже поджидали шатры, возведённые совместными усилиями властей обоих городов.

На другой поляне в полулье отсюда уже раскинулся, словно игрушечная деревушка, лагерь тёмных эльфов.

И началось...

Два дня без каких-либо результатов. Не удивительно, что его светлость пребывал в великом раздражении. Два дня переливания из пустого в порожнее! Лишь упрёки, надуманные обвинения, жалобы на тяжкую долю в изгнании... Да кто их изгонял-то! Сами после позорного поражения решили удалиться от людей, выбрали для жительства незаселённые Средиземноморские острова, да ещё обнесли магическим барьером, чтобы к ним никто не совался. До сих пор даже посольства свои держат практически в изоляции, не прорвёшься. Только и разговоров, что о высокой культуре и об избранности... Да, ещё о родословных, корнями уходящих в тысячелетия. Ну и что? Род человеческий вообще от Адама и Евы ведётся, а уж после них, много веков спустя, пошли такие смески, как эльфы, альвы, асы, дроу – от браков небожителей и земных людей. Но люди-то, как более старшие, своим первенством не кичатся, а эти... Сколько снобизма! Сколько амбиций!

Реванш. Им просто нужен реванш за то давнее унижение. После смерти мужа власть Аквители держится на волоске, и всё из-за её скверной репутации. Будь распутная эльфийка при этом ещё и неплохим политиком, ей бы прощались многие грешки, так ведь нет! Единственное, на что ей хватало ума – не разгонять советников мужа и действовать по их подсказкам; они-то и дёргали за ниточки, предоставляя так называемой королеве всласть упиваться привилегиями, а уж тяжкие обязанности ввалили на себя. Им удобна была эта королева. Умные люди... вернее эльфы, они предпочитали официально числиться на вторых ролях и не претендовали на трон. А вот чтобы спокойно из-за спинки трона управлять, нужно было, чтобы кукла сидела достаточно надёжно.

Им-то и понадобилась война. Пусть кровопролитная, пусть затратная – но обелившая сам вид дроу. Каламбур, да? Обелившая тёмных эльфов... Заставившая вернуть нации самоуважение. Ибо гонор, не подкреплённый чем-то конкретным, оставался всего лишь гонором, а вот вознёсшийся на плечах «отвоёванной в справедливой войне» Бургундии дал бы прочувствовать дроу свою значимость.

Эта идея герцогу не нравилась до отвращения. Впереться чужакам в самое сердце Галлии? Да никогда!

И уж совсем не нравилось, как оценивающе косилась на него Аквитель Поднебесная – наградили же прозвищем, будто и впрямь горстка небольших островов занимает всю вселенную! А взгляд у королевы, несмотря на присутствие и министров, и советников с обеих сторон, был порой настолько блудливый, что трое её походных любовников багровели от злости. Отчего атмосфера переговоров не освежалась, прямо сказать. Мрачная была атмосфера. Замораживающая любую надежду на мирный исход.

Не удивительно, что при первых же звуках до боли знакомого голоса, приглушённого парусиновыми стенами, сердце его светлости сделало кульбит, как певец серенады, в которого вместо гроша полетел от красавицы с балкона новенький золотой. И было чему радоваться.

– Винс! – гаркнул он, сшибаясь на входе с доблестным капитаном и стискивая того в железных объятьях. – Ну, наконец-то! Я тут скоро поседею без тебя! Но сначала – что в Роане? Что дома?

– И я рад, – скупно улыбнулся Винсент Модильяни. – Погоди, я весь пропылился, дай хоть выпить и помыться с дороги. В Роане порядок, оспа есть, но ветряная, оставил там Вайсмана с целой гильдией эскулапов. Разберутся. Вот тебе депеши, – вынул из-за обшлага два узких конверта, – рекомендую ознакомиться. Пока считаешь – приведу себя в порядок и доложу подробнее.

Герцог с жадностью схватил письма, просиял, углядев на одном личную печать, при виде второго нахмурился. Кивком отпустил Винсента. Поколебавшись, всё же начал с послания, отмеченного Ватиканским гербом.

Машинально придвинув ногой складное походное кресло, уселся. Перечитал. Потёр заросший к вечеру щетиной подбородок.

– С этим понятно. – И добавил туманно: – Что ж, может, и к лучшему... Решить всё сразу и...

Энергично рубанул рукой, словно утверждая «всё» и «сразу». Отложил письмо на складной походный стол – аккуратно, со всем почтением к отправителю – и вскрыл первое, что давно уже жгло колено.

«Драгоценный мой супруг!»

...и расплылся в блаженной улыбке.

Никогда ещё к нему так не обращались.

Не выдержав, оглянувшись украдкой, как мальчишка, прикоснулся губами к бумаге, на которой сохранился аромат фиалок от тонких девичьих пальчиков.

«Милый Жиль! Пишет тебе твоя маленькая неразумная жёнушка...»

И мир вокруг исчез. Не стало белых полотняных стен и круглых потолков, прогибающихся под напором осеннего ветра, окриков вооружённой охраны, лошадиного ржания, треска сучьев в разгорающихся кострах, звяканья железа (это Винсент по соседству, прежде чем приступить к омовению, снимал с помощью герцогского камердинера лёгкий дорожный доспех...) Всё пропало. Остались он – и родной милый образ перед глазами, и любимый её голосок.

«Я с самого утра страшно боялась, что не справлюсь. Но все меня успокаивали, и ты тоже, хоть далеко. Ах, Жиль! Милый!»

«Спасибо тебе за подарок. Он прекрасен. И фиалки. И стул в кабинете, который сменили нарочно для меня, чтобы был повыше. Я вот пока не поняла, как ты делаешь, чтобы появилась карта Галлии, ты потом научи меня, ладно?»

Неприменно. Но о карте ли ты думала, милая, когда писала эти строки? Герцог лукаво усмехнулся.

«Мэтр Фуке учил меня отвечать на Высочайшие Прошения...»

Бедняжка Марта, она и впрямь думает, будто на её плечи легла вся провинция! Молодец, Макс. Пусть поддерживает в ней эту иллюзию, а сам, как обычно в его отсутствии, разбирается с делами. Девочке, безусловно, надо приобщаться к управлению, но постепенно, не сразу. Такими вот шажками.

«...А прошений было много, я просто вспоте...»

Не привыкла к разбору бумаг, голубка...

Страдания жёнушки над «иск...», «эск...», и, наконец, «экспедицией» заставили его затрястись от еле сдерживаемого смеха. Рассуждение о ввозных пошлинах и «нашей монополии» умилили. История с многоженцем-рейтаром заставила-таки расхохотаться. Она приобщила к «Государственным Делах Особой Важности» даже архиепископа Эстрейского, его справедливая девочка! Жиль ничуть не сомневался, что Бенедикт добьётся продления папской буллы. Его высокопреосвященство, духовное звание коего усердная авторша так и не одолела при написании, ради прекрасных глаз герцогини и её обострённого чувства справедливости свернёт горы. Возможно, даже в буквальном смысле.

...Ага, вот как. Значит, старина Гийом провёл её по галерее предков. И Гайярд раскрыл перед ней скрытое крыло, в которое пускает только избранных. Что ж, после того, как он показал ей тайные ходы – удивляться нечему. Хотя, конечно, мэтр Франсуа наверняка был сражён наповал. И поспешил затем поделиться с прислугой своим удивлением и восхищением: замок окончательно признал хозяйку и пустил в святая святых! Помнит кто-нибудь, чтобы нечто похожее хоть раз случилось со злобной Анной, первой Анной, Анной неправедной? Не вспом-

нит, даже если бы сильно захотел. То-то и оно. Кто ещё хочет поспорить, которая из хозяек настоящая?

Прекрас... А это что такое?

«А ещё мы вместе с ним поднимались на Ту Самую Башню»...

Улыбка слетела с лица герцога. Сощурившись, он вчитался в зачёркнутые строки. Ноздри раздулись от сдержанного гнева. Прихлопнув злосчастным письмом по колену, вскочил.

– Винс! Винсент, где тебя носит?

И, не дожидаясь ответа, рванулся вон.

Шатёр герцога был ни чета прочим, обычным круглым, в которых его люди располагались по пять-шесть человек. Нет, его временный дом, хоть и возведённый при помощи таких же шестов, опор и парусины, был своеобразным домом, состоящим из нескольких «комнат» и даже переходов. Сообразно статусу; и, вдобавок, затруднял возможные попытки покушений, ибо можно было каждый раз на ночь располагаться в другой «комнатушке». Но сейчас – его светлость, рыча от нетерпения, едва не снёс плечом опору очередного купола.

– И ты оставил её одну? – взревел в негодовании. – Когда в небе летают чёрт знает какие монстры, чёрт знает кем посланные? Отвечай сейчас же!

Капитан не спеша перекинул камердинеру мокрое полотенце. Взялся за свежую рубаху.

– Всё в порядке, ваше светлость.

Ловко единым движением, выдающим военного человека, привыкшего одеваться по тревоге за секунды, накинул рубашку, перепоясался.

– Извольте следовать за мной, я сейчас вам кое-кого представлю... – Выждал, пока герцог с шумом выдохнет. – Это единичное происшествие, игнорировать которое, впрочем, было бы глупостью с нашей стороны. Поэтому, будьте уверены...

Кивнул Мишелю, показывая, что больше ничего не требуется, подхватил молочного брата под локоть, увлекая наружу.

– ... я бы не оставил её светлость без надлежащего присмотра. Гарнизон на месте и бдит, ребята в казарме начеку, Макс на посту, к нему стекается вся информация о возможных странных происшествиях. Защита вокруг замка обновлена и усилена.

– Кем? – рыкнул герцог.

– А вот...

Часовые у входа отсалютовали шпагами. Жильберт машинально отмахнулся... и во все глаза уставился туда, куда приглашающе махнул рукой капитан Винсент.

Двое монахов, сложением более похожие на борцов, нежели на смиренных служителей Господа, мирно переговаривались с невесть для чего забредшим в лагерь эльфом. Собственно, заходить на чужую территорию никому не возбранялось, лес был нейтрален, да и войны между Островами и Галлией ещё не объявляли; но негласное правило: мой лагерь – моя земля, и чужим тут делать нечего! – соблюдалось. Что тут забыл остроухий фаворит Аквители – неизвестно, но только парочка служителей Божиих беседовала с ним, злобно шипящим, вполне доброжелательно. Но вот один из братьев-бенедиктцев приложил ладонь к груди, сдержанно поклонился – по-видимому, извиняясь, что не может продолжить беседу, и отошёл буквально на несколько шагов к штабелю массивных брёвен. Заострённые с одного конца, это были резервные заготовки для центральных шатровых опор, на тот случай, если вдруг возникнет нужда в дополнительных временных жилищах. Естественно, вновь прибывшей братии понадобился кров, поэтому-то один из них не торопясь взвалил на плечо брёвнышко – толщиной, пожалуй, с эльфа, чуть не брызжущего слюной от ярости... Остроухий вдруг поперхнулся словом и замолчал. Монах нёс мощное бревно на облюбованное место легко и непринуждённо, словно тренировочную деревянную пику. Потом, зайдя в солидный просвет между двумя палатками, прикинул центр будущего шатра – и так же легко, как и нёс, стащил дерево с плеча, перехватил поудобнее, приставил остриё к земле...

Возвёл очи к небу – как и полагается, прося благословение у Всевышнего перед любой работой...

И, хекнув, с силой вогнал бревно в землю, не меньше, чем на локоть. Как шпиговальную иглу в гуся.

Любо-дорого посмотреть...

Вот так, с одобрением, не обращая внимания на восторженные вопли рейтаров и охранников, и посмотрел на него сотоварищ, а затем перевёл взгляд на застывшего с отпавшей челюстью сублильного, как и все эльфы, королевского любимчика. И что-то сказал негромко, ласково.

Глаза у того остекленели. Неуверенно улыбнувшись, гость вдруг задумался... Впал в прострацию. Постоял с минуту, усиленно размышляя, затем, спохватившись, пробормотал нечто вроде извинений – и, церемонно поклонившись, развернулся в сторону эльфийского лагеря. Шёл он какой-то деревянной походкой, чудом избегая столкновения с попадающимися на пути деревьями. Монах сердечно благословил его вслед, покивал – и, подобрав полы сутаны, не торопясь двинулся к герцогскому шатру-дому.

– Что вы ему внушили, брат Тук? – любезно осведомился капитан Винсент.

– Ничего особенного, брат мой. Всего лишь открыл глаза на некоторые вещи и заставил пересмотреть свою жизнь.

– Всего лишь? – В синих глазах капитана блеснула смешинка.

– Не более. Куда уж мне. Вот отец Бенедикт, тот, ежели захочет, может из разбойника за несколько минут душеспасительной беседы святошу сделать, а я... всего лишь подправляю мировоззрение, убрав шоры с глаз. Смиренно и с оглядкой на советы наставников своих.

– Ну-ну, – капитан кивнул. – Позвольте вам представить, ваша светлость...

– Мгм... Я понял, – промычал герцог. – Наслышан. Брат Тук? Безусловно, рад видеть вас здесь, но как вы... Стоп. Винсент, теперь поподробнее: ты совсем недавно собирался мне сказать, что...

– Дюжина собратьев этого вот молодца оставлена для дополнительной охраны и сопровождения её светлости, – невозмутимо сообщил капитан. – Физические данные плюс магический потенциал, плюс духовные силы... Ну, ты сам только что видел. Лучшего и желать нельзя. Его высокопреосвященство охотно выделил наиболее способных своих людей, тем более что им время от времени необходима практика в миру. Говорит, засиделись в кельях-то, пусть подышат свежим воздухом.

– А заодно отправил нас к вам с определённой миссией, ваша светлость, – поклонился брат Тук. – И, как полномочный представитель Его Высокопреосвященства, архиепископа Эстрейского, я прошу у вас несколько минут для приватного разговора.

Его светлость смерил его одобрителем взглядом. Кивнул.

– Извольте.

И первым прошёл в «приёмную».

За истекшие почти двое суток в дороге, когда спать удавалось урывками, лишь бы побыстрее нагнать герцога – капитан Винсент изрядно вымотался. Выручала поддержка братьев бенедиктцев, которые, несмотря на его нервозность и поспешание, не пропустили в дороге ни одной утренней, полуденной и ежевечерней молитвы. И по своему, монастырскому уставу, творили ещё и полуночную. Модильяни попервоначально энергично возражал против такой неразумной траты времени: к тому же братьям Туку и Исааку для исполнения молитвенного правила непременно нужно было отыскать по пути следования *хорошее* место, будь то поляна в рощице, небольшой водопад с приозёрной скалы или просто тенистый сад добрых людей, пустивших их троицу на ночлег. Капитан не понимал этой блажи. Молиться ведь можно и в седле, твердил он. Какая, в сущности, Господу разница, откуда к нему вознесётся очередной

псалом? На что, смиренно улыбаясь, служители Господни отвечали, что разница есть: в теле, зад которого не отбивается седлом, а спину не ломит, и не печёт жарким солнцем тонзуру, душе куда легче общаться со Всевышним: она не отвлекается на плотские неудобства, а сразу воспаряет в горние выси.

На первом вынужденном простое капитан скрипел зубами от едва сдерживаемого нетерпения, и пока святые братья застыли на коленях, одинаково склонив головы, прикрыв глаза и перебирая чётки, мерил шагами мирную полянку, как загнанный в клетку барс. Но, едва дождавшись последнего «Амен» и вскочивши на коня... вдруг почувствовал в теле лёгкость необыкновенную. словно не было за плечами без малого двадцати лье пути и ночного бдения.

Более он со своим уставом в чужой монастырь благоразумно не лез, с молчаливой благодарностью принимая дар освежённых очередной молитвою братьев, которым, похоже, в дороге и почитать не требовалось. Те несколько часов, на которые Модильяни всё же сморил безжалостный сон, святые братья потратили на обсуждение каких-то своих насущных проблем. Ну, и конечно, на благочестивые размышления, сопровождаемые лёгкой разминкой в виде перекидывания друг другу трёхпудовых глыб с горчичного поля, у обочины которого остановились с вечера передохнуть и перекусить. Надо думать, несколько недель спустя, недосчитавшись во время вспашки под осень пары дюжин валунов, вросших за многие годы в землю, хозяин поля вовсе не огорчится.

И всё же капитан устал. Тело, утомлённое тряской в седле, дневным пеклом щедрого на солнце бабьего лета и ночной влажной прохладой, действительно требовало отдыха. Желательно, в лежачем положении и не в полглаза и вполуха, а полноценно провалившись в сон без сновидений, до очередного витка переговоров. Тем более что своими предложениями он уже поделился с герцогом, ему же передал на словах интересные вести от архиепископа Эстрейского, и теперь мог удалиться на покой. С чувством выполненного долга.

Тем не менее, посты перед сном надо было проверить. Давнишняя привычка, которой капитан ещё ни разу не изменил, не позволила ему почить на лаврах спасителя отечества, а подняла с уже нагретой походной кровати и отправила в обход по лагерю.

Он обошёл дважды периметр вагенбурга – кольца из обозных телег и возов, на которых из Аваллона и Дижона были привезены сюда свёрнутые тенты, шатры, павильоны и всё, что нужно для их возведения. При желании вагенбург вокруг лагеря можно было бы сделать и двойным, но... это означало показать, что Галлия всерьёз готова к обороне, а, возможно, и к войне. Поэтому на половине пустых телег и повозок отправили назад по домам плотников и установщиков тентов, числом более двухсот двадцати человек... Ну и правильно: нечего этакой прорве народу после сделанной работы болтаться по лагерю без дела и подъедать казённые припасы, которые, к слову сказать, надо экономить, поскольку неизвестно, сколько придётся здесь торчать...

Первый заход капитан сделал в одиночку. Проверил часовых, пароли, шуганул кравшегося со стороны леса воришку, поговорил со старшинами о дисциплине, распорядился, чтобы прачек и иных девиц пропускали в лагерь сугубо в дневное время, и в определённые часы. Пригрозил наказанием за возможные азартные игры. И даже напомнил пример из хроники походов Карла Великого, когда лишь с помощью самых жёстких мер, и с большими потерями, командирам пришлось усмирять драки, вспыхнувшие в лагерях Карла из-за шлюх и жульничества при игре в кости. После таких оживляющих дисциплину бесед капитан Модильяни счёл свою вечернюю миссию выполненной и отправился было на покой, но уже у входа в герцогский шатёр его перехватила парочка братьев бенедиктцев. Чей свежий вид радовал глаз и вызывал лёгкую зависть, свидетельствуя о тех самых нескольких часах сна, которых сейчас так не хватало капитану.

Все трое обменялись приветствиями.

– Прекрасная ночь, брат мой, – с воодушевлением завёл беседу брат Тук. – А мы тут с братом Исааком надумали пройтись, размять ноги... Не слишком нескромным будет с нашей стороны попросить вас составить нам компанию?

– А заодно и предупредить часовых о нашем присутствии, – безмятежно подхватил брат Исаак, тот самый, чей воткнутый в землю шест для будущего шатра до сих пор не давал покоя местным Геркулесам. Однако столь легко и изящно повторить подвиг монаха не удалось никому. – Ибо разминать ноги нам хотелось бы как раз вдоль границы лагеря; или как вы, военные, это называете? Вдоль периметра.

Капитан вопросительно приподнял бровь.

– Избыток сил, – коротко пояснил брат Тук. – Пристроить бы...

– Да, силушка играет, – вздохнул сотоварищ. – Маленько перебрал... Скинули бы немного на магический барьер, оно не лишним будет. Это ночью ваши люди бдят, а днём как-то... не очень. Я вот нынче приметил, что тот самый эльф, что всё ругался да злился, а затем в задумчивость впал... он ведь не просто так сюда просочился. На нём личина человека была, может, даже кого-то из ваших, потому и пропустили его без вопросов. Походил, поштался, вышел из-за какого-нибудь тента уже тёмным. А раз ходит свободно, значит, пропустили, можно...

Капитан так и остолбенел. Нет, жаркое солнце бабьего лета всё же напекло ему голову в дороге, иначе он и сам бы задумался, почему это визитёра из соседнего лагеря не потрепали изрядно на входе: впрочем, тот с виду был безоружен, потому и не придирались, видимо. Нет, каков прокол с его стороны! Усталость – не повод ослаблять бдительность. Немедленно нужно допросить часовых.

– Личина, говорите? – мрачно произнёс вслух. – А пойдёмте, любезные братья мои. С удовольствием присоединюсь к вашей прогулке.

...В окончательно сгустившейся ночной тьме, кое-где прореженной огнями лагерных костров, след от поставленного монахами магического барьера светился таинственно и красиво. И, надо сказать, успокаивал. Огорошенные второй внеплановой, и, чего уж там таить, нежданно-негаданной проверкой, часовые заметно подтянулись и... как-то насторожились. Не понравились им ни ночной моцион троицы, ни дополнительная, вроде бы им же в помощь поставленная магическая защита. По всему выходило: назревает заваруха. Глядеть надо в оба. Поэтому, когда зашуршали по вытоптанной поляне лёгкие шаги, *снаружи* периметра, приближаясь к главному входу-проёму вагенбурга, оба часовых грозно окликнули:

– Стой! Кто идёт? Пароль!

– Ах... – зазвенел в темноте звонкий, как колокольчик, голос. – Что же вы меня так пугаете!

– Господин капитан! – окликнул приближающегося Модильяни один из солдат. – У нас, похоже, того... Нарушитель. Нарушительница...

И глупо заулыбался.

Рука капитана легла на эфес шпаги. Подобравшись, он поспешил к импровизированным воротам, не заметив даже, что с двух сторон его обошли монахи, скользившие по земле плавной, невесомой поступью, будто их могучие тела ничего не весили.

– Пропустите же, – прозвучал жалобный голосок, такой знакомый. – Я ужасно замёрзла... Я приехала к мужу. Как мне его найти? Ах, милый капитан, неужели вы меня не узнаете? Прикажите вашим людям впустить меня!

Никогда ещё до этого дня, вернее, этой ночи госпожа Марта не называла Винсента «милым капитаном».

Тем не менее, пристально взглядевшись в невесть откуда появившуюся среди леса юную герцогиню, и впрямь дрожащую от холода под лёгким плащом, молочный брат герцога склонился в глубоком поклоне.

– Прошу извинить, ваша светлость, но мы вас не ожидали. – И повелительно бросил часовым: – Пропустить! Её светлости не пристало мёрзнуть. Позвольте, сударыня...

И, скинул плащ, галантно набросив на плечи впорхнувшей в освободившийся проход супруге герцога д'Эстре. Заодно поверил собственный глазомер. Особа, с благодарностью повисшая на его локте, была на целых две ладони выше той девочки, которую он однажды арестовал в маленькой лесной избушке неподалёку от Сара.

– Брат мой, – с беспокойством окликнул его Тук. – А вы уверены...

Капитан беспечно отмахнулся.

– Бросьте, брат Тук. Всё в порядке. Я сам провожу её светлость к супругу. А наш разговор мы продолжим позже. На чём мы там остановились? Ах, да... *Timeo danaos et dona...*

– Я запомню, – с облегчением подхватил его давнишний знакомец. – ...*et dona ferentes*, разумеется.

Они с братом Исааком внимательно глядели вслед удаляющейся парочке.

– Но как же вы здесь появились? – слышался вдалеке голос капитана.

– А я оставила свою карету неподалёку. Такая беда – сломалась ось, – щебетала девушка. – Вы ведь пошлёте своих людей на помощь? Там темно и, кажется, бродят волки...

– Непременно пошлю.

– Как можно скорее, милый капитан. Как только проводите меня к его светлости – и немедленно пошлите людей! И побольше, человек двадцать...

Брат Исаак негромко рыкнул:

– Смирна!

Часовые у прохода вздрогнули и вытянулись в струнку.

– Всё идёт как надо. – Голос монаха звучал гулко и внушительно. – Не расслабляться, глядеть в оба. Всем! – прикрикнул в расчёте на остальных. И повернулся к Туку.

Тот опустил веки, молча одобряя.

– Личина-то двойная. – Исаак вновь прожёл взглядом спину герцогини, почти скрывающуюся из вида. Вот они с капитаном завернули за очередную палатку и пропали окончательно... – Всё, догоняем?

– Да. Надо бы покараулить.

– Святое дело, брат мой...

...Конечно, никакую помощь капитан никуда посылать не стал, ибо явно в недалёких от обозного заграждения кустах дожидалась не карета. А, скорее всего, с полсотни вооружённых до зубов тёмных эльфов из лагеря по соседству.

Вот только кто пожаловал сюда под видом истосковавшейся в разлуке нежной супруги?

За свою спину капитан был спокоен. Недаром он начал, а Тук узнал и подхватил фразу из Гомера: «Боюсь я данайцев, даже дары приносящих...» Братья наверняка уже занимают пост неподалёку. При их способностях передвигаться бесшумно он не удивится, обнаружив их прямо за углом герцогского шатра. А он сам... Он пойдёт внутрь. Двигаться бесшумно могут не одни монахи.

За Жильберта он не беспокоился. Кто бы ни таился под личиной Марты – это не мужчина. По сложению, по походке, по лёгкости руки и тонкой кости опознать женщину не составило труда. А уж с женским-то полом Жильберт д'Эстре справится.

Ничего не попишешь. Чтобы вывести гадюку на чистую воду, нужно её заманить в капкан. Прямо в пасть. К вкусному и отчего-то желанному герцогу.

Сон его светлости был лучист и светел, как та, что ему снилась.

Башни Гайярда ещё не скрылись за горизонтом, а он уже скучал по Марте. Лишь многолетняя привычка – сперва государственные интересы, потом я! – заставляла отвлекаться на насущные дела. Дорога. Размещение людей на ночлег. Обмен депешами с городскими старши-

нами Дижона и Аваллона, и, конечно, с их маркграфами, которые, как полноправные представители Бургундии, должны участвовать в переговорах. Дипломатия дипломатией, а надо было на ходу проверять, всё ли готово к обустройству будущего лагеря, хватает ли тентов, палаток и шатров, чтобы не ударить в грязь лицом, ведь всем известно, какие снобы эти тёмные эльфы. Не зря ещё его отец говорил, что дроу за последние сто лет переменялись далеко не в лучшую сторону и теперь вовсе не те задушевные ребята, к которым не страшно в бою повернуться спиной, а за хорошим столом – крепко чокнуться бокалами. Совсем не те стали эльфы. Есть ещё исключения, но настолько редкие...

Маркграфам он отписал сразу, что ему довольно малого походного шатра, но для проведения встреч с длинноухими пусть его подданные расстараятся. Павильон графа Бургундского – вот что нужно; даже привычные к роскоши и изяществу дроу будут поражены. Пусть почтенный граф не пожалеет своего сокровища, которое раз в году демонстрирует на турнирах, посвящённых памяти безвременно погибших сыновей. Герцог уже пообещал ему, независимо от результата переговоров, что похлопочет перед Его Величеством о присвоении права двум младшим, пока незамужним дочерям графа, при вступлении в брак сохранить за собой гордую фамилию отца. Мало того – передать оную вместе с наследными титулами будущему супругу, дабы род Бургундских с честью и славой продолжил своё существование. Граф будет землю рыть, а сделает всё, чтобы не подвести герцога. Что там шатёр, когда речь ведётся о неугасании рода!

А заодно...

Право наследования дочерями, пусть и таким способом, создавало прецедент, которым можно было воспользоваться, если у Жильберта, не будет с Мартой сыновей, а родятся только дочери. Конечно, придётся подбирать зятя особенно придирчиво, чтобы, не колеблясь, когда настанет время, передать бразды правления. Что ж, если, допустим, вырастут достойные сыновья у Винсента или Макса – то почему бы и нет?

Об этом стоит хорошо подумать.

Он любил предусматривать и оказываться впереди. Так учил отец. Так он сам будет воспитывать своих детей. Когда-нибудь...

Погружённый в грёзы, он и не заметил, как задремал на своей простой складной солдатской койке. Лишь, как предвестник сна, прозвучал в ушах милый голос, озвучивая строчку из дивного письма: «Пусть у тебя всё будет хорошо, Жиль!»

Отчего-то повеяло холодом, вместе с нахлынувшим ощущением, будто кто-то заглянул через плечо – украдкой, тайком... и попятился. Но Жильберт д'Эстре уже проваливался в сон, и навстречу ему торопилась его ненаглядная, перебирая быстрыми ножками по белым ступеням парадной лестницы Гайярда, и там, где крошечная туфелька касалась мрамора, оставались букеты нежных фиалок. Весь мир померк перед её улыбкой. И герцог полностью отдался сладостному сновидению, ринувшись навстречу любимой.

...Очнулся он от неожиданного удара.

Нет, не в сердце, не в печень, не в голову... Шарахнуло по всем рецепторам боли, забив тревогу. С ним такое уже происходило, а потому – он особенно и не удивился, когда, разрывая сон, грозно рыкнуло второе, бодрствующее «Я». Тело взметнулось с кровати само, перехватив в прыжке *чужого*, подмяв под себя, прижав коленом, намертво сцепив пальцы на податливом горле... Не слишком сильно, но и без особых церемоний: чтобы и не до смерти, и придушить, парализовав сопротивление в корне, чтобы враг хрипел, дёргался, не в силах отцепить от своей шеи железных рук... Включилось зрение. И вот тогда Жильберт д'Эстре от ужаса едва не закричал. Под ним, задыхаясь, билась его Марта, его ненаглядная, его милая...

В панике он пытался отпрянуть – но руки не слушались, выдерживая захват, не ослабевая напряжения... «Чужая!» – вопило всё его существо, не веря тому, что видит. От немедленного

разрыва сердца его спасло лишь одно: глаза его любимой, уже налитые кровью, вдруг из карих сделались синими...

Черты багрового, начавшего стремительно темнеть лица поплыли, меняясь. Удлинился разрез глаз, поднялись скулы, губы истончились, а в оскале явственно промелькнули два удлинённых верхних клычка. С волос словно стекло золото, проявив первозданную белобрысость, брови и ресницы побелели... Герцог с отвращением разжал, наконец, руки.

Второе «Я», убедившись, что первым «Я» враг распознан, угомонилось, и до поры, до времени приглушило звериные инстинкты. Хоть и хотелось вонзить в эту податливую плоть когти.

– По...ща...ды... – прохрипело жалкое существо, отдалённо напоминавшее эльфийку. И задёргалось, пытаясь освободиться.

Тут только герцог сообразил, что коленом прижимает к походной койке хрупкое женское тело. Причём, судя по subtilности, и впрямь – эльфийское. Как бы он не повредил ему рёбра, в беспамятстве-то. Отвечай потом за поврежде...

Минуту.

Память услужливо подсказала, что в момент, когда разум находился на грани сна и яви, в тот момент, когда его пальцы сомкнулись на горле нападающей, об пол что-то звякнуло. Характерно так, знакомо. Придерживая хрупкую, пытающую жалко улыбнуться, деву за плечи, его светлость рыкнул:

– Винс! Ко мне!

Ничуть не сомневаясь, что капитан рядом.

Тот незамедлительно выплянул из-за полога на входе. Весьма кстати прихватив по дороге второй фонарь, вкупе к тому, что мерцал в герцогском «кабинете». (Свечам и факелам, по известным причинам, в палатки и шатры ходу не было.) Мало того – вслед за ним ввалились два прибывших монаха и часовой. Ждали, сволочи. Ждали, когда позовёт... Значит, Винсент не прозевал лазутчицу, но оценил степень опасности как среднюю, потому и допустил к телу, помня, что к спящему герцогу ни один чужак не подберётся безнаказанно. Почему-то ему надо было пропустить сюда эту женщину. Зачем? Чтобы себя выдала?

И как она посмела притворяться Мартой?

Подавив очередной приступ ярости, он приказал:

– Глянь, что там на полу.

Капитан шагнул ближе. Приподнял фонарь, подкрутил колёсико регулировки пламени для большей яркости.

– Кинжал, ваша светлость. Эльфийской работы, без ножен. Ножны у дамы на поясе, выпирают из-под верхней юбки... – Сделал ещё шаг, отступил. Бросил через плечо: – Всем видно?

– Неслыханное злодейство, – прогудел отец Исаак. – Вот ведьма, а? Покусилась на самого нашего государя! Смерть ей!

– Тише, тише, брат... – Тук внимательно взгляделся в обронённое оружие, сиротливо валяющее на дощатом настиле, затем в посеревшее лицо жертвы, которую его светлость так и держал почти распятой на постели, не думая отпустить. – Лезвие-то по кромке смазано ядом, какая уж тут смерть... Тут попытать сперва надо: или кто послал, или своей волей пришла, а может, зачаровали?

Пленница, дёрнувшаяся при слове «попытать», вскрикнула:

– Да! Да! Меня заставили!

Брат Тук покачал головой.

– Что-то не видно на тебе следов чужого воздействия, дочь моя... Ваша светлость, извольте не напрягаться и чуть сдвинуться влево, мы сейчас возьмём её под контроль. Готов, брат Исаак? Отпускайте, ваша светлость.

Пленница, казалось, перестала дышать. Лишь конечности судорожно подёргивались, когда её поднимали и привязывали к стулу. На последнем действии настоял брат Тук, пояснив, что постоянный ментальный нажим может вступить в конфликт с чужим настроением, внедрённым, возможно, в это тело, а потому – особо давить не следует, лишь иногда, в целях безопасности...

– Я не хотела, – торопливо забормотала женщина, едва получив относительную свободу и возможность говорить. – Это... Не смотрите на кинжал, он только для того, чтобы защищаться. В лесу полно хищников, я боялась...

– Настолько, что привели вслед за собой сопровождение, – прервал её лепет капитан Винсент. – Под ножи которого упорно пытались согнать наших людей.

Сказал наудачу. Но по дёрнувшей всем телом жертве понял – угадал.

– Так-так, – несколько удивлённо протянул вдруг герцог, усаживаясь на койке поудобнее. – Риа Сандриэль, вы ли это? Первая фрейлина её величества Аквители Поднебесной! Не верю своим глазам! И что вы можете сказать в своё оправдание? Вы пришли назначить мне свидание со своей королевой? Несколько странный способ. Или решили лично изъясниться в высоких чувствах наедине? Так я весь внимание! Начинайте же, сударыня!

Женщина задрожала. Брат Тук, насторожившись, провёл ладонью у неё над головой, словно снимая невидимую паутину.

– Ну, вот, больше никто не помешает... Можешь смело отвечать, дочь моя: из тех, кто за тобой следил, тебя никто не слышит.

Фрейлина закрыла глаза. словно нервничая, облизнула пересохшие губы, дёрнула головой.

– Можно воды?

– Нет, – жёстко отрезал герцог. – Ни воды. Ни еды. Ни жалости. Вы заявили с ясно обозначенным намерением меня убить, риа. Брат Тук, как духовное лицо, облачённое властью, зафиксировал картину происшедшего. Сейчас в лагере нет менталистов, но, будьте уверены, завтра не ранее полудня они прибудут по моему вызову из Дижона и вскроют вашу прелестную редкую черепушку, вытянув наружу всё, слышите, всё! Эльфийские мозги ничуть не крепче человеческих, поверьте. Я не блефую и не запугиваю. Я жду, риа. Жду добровольного признания.

– Нет, – севшим голосом ответила та. И гордо вскинула голову. – Не дождётесь. Вас тут четверо на одну слабую женщину, но я... Не сдамся. Зовите ваших менталистов!

Его светлость усмехнулся.

О *двойной* личине шпионки он пока не знал. Но зрительная память была хорошая. А потому – на серьги с изумрудами, качнувшиеся в мочках острых ушек, покрытых лёгким пушком, герцог обратил внимание. Не из-за того, что они дисгармонировали с цветом глаз носительницы – а это уже само по себе казалось странным, ибо эльфийки всегда предпочитали украшения в тон радужке глаз, – а потому, что не далее как вчера видел эти самые серьги совсем на другой женщине. И та вряд ли поделилась с фрейлиной любимым украшением, подарком от последнего, пока ещё чересчур милого сердцу, аманта.

– Ради любви я вынесу всё, – услышал он, и едва удержался, чтобы не вытаращить глаза от изумления. Кто это тут вякнул о любви? – Пусть я погибну, пусть над телом моим надругаются менталисты, но, может, хоть эта жертва смягчит ваше жестокое сердце, герцог Жильберт д'Эстре! Ах, на какие унижения я иду, как низко я пала!

И хоть руки пленницы были перекинута за спинку стула и схвачены кушаком, вдруг показалось, что сейчас эти руки, хрупкость которых просвечивает сквозь полупрозрачное кружево, красиво заломлены. В прекрасных сапфировых глазах проступили слёзы.

– Ради любви, – всхлинула она, низко опустив голову. – Только ради...

Рывком поднявшись с койки, его светлость навис над покусительницей на его тело и душу.

– И для того понадобилось принять облик герцогини? А что же вы раньше плели, что вас якобы заставили?

– Ах, вы не понимаете! – Прелестница закусила губку. – Я испугалась и солгала, лишь бы меня не пытали. Клянусь, это вы похитили моё сердце навсегда! Но вы такой недоступный и неприступный, все вокруг только и твердят, как вы обожаете супругу. У меня не было никаких шансов завоевать ваше сердце. Вот я и подумала: проберусь в лагерь тайком, украдкой... Как вор! – вскрикнула патетически. – Да, как вор! Украду хоть крохи любви, предназначенные той, о которой вы грезите днём и ночью. Ведь вы даже не замечаете нас, самых красивых женщин Поднебесной, вы игнорируете даже королеву; неужели герцогиня прекраснее? И что мне оставалось делать? Только пуститься на хитрость...

Она тихо всхлипывала, полностью, казалось, погрузившись в своё горе.

«Какой артист умирает...» – вспомнились капитану Винсенту собственные слова, сказанные недавно Максу Фуке.

Брат Исаак пребывал в замешательстве, потому как с женской природой дел почти не имел, верить подозрительной особе не хотел, но уж очень она в тот момент трогательно рыдала.

Брат Тук лишь покачал головой. Как более опытный, он давно уже разглядел языки лжи, опутывающие голову незнакомки...

Часовой у входа подумал: «Шлюха».

Ложь, ложь, и не во спасение, а лишь с целью разжалобить, отвлечь... Опустив глаза, брат Тук сощурился... и, стремительно нагнувшись, быстро задрал на женщине атласную юбку и выдернул из-за голенища сапожка сверкнувший жалом стилет. Да столь споро, что дама даже не успела сообразить, и вскрикнула с большим опозданием.

– И ещё кое-что, – пробормотал брат Тук. – Ваша светлость, мне, как лицу духовному, желательно оной особы в некоторых местах не касаться, а вы, человек светский, загляните ей, прошу прощения, под корсаж. Там есть один интересный кругляшок.

– Не смейте! – завизжала эльфийка. – Ко мне нельзя прикасаться! Герцог, взываю к вашей справедливости! Защитите меня от посягательств на мою честь!

Брови его светлости недоумённо взлетели вверх.

– Честь? – медленно и со вкусом повторил он. – Лгунья, убийца, прикрывающаяся чужим именем, возможно, и не одним – и вы ещё смеее говорить о чести? У вас её нет, риа. Капитан, вам там, сзади, удобнее, сделайте то, о чём говорил брат Тук.

Пожав плечами, Винсент Модильяни, стоявший за спиной пленницы, запустил руку ей... за шиворот, и не успела та ахнуть – вытянул вверх массивную золотую цепь, что, оказавшись спрятанной глубоко под лифом, натянулась под его рукой и потащила за собой из ложбины меж плотно сжатых грудей массивный золотой медальон. Который капитан и стащил через белокурую голову, едва успев увернуться от острых, клацнувших зубов.

– Ехидна, – не удержался герцог. – Дайте-ка глянуть...

Но внезапно посуровевший монах, протянув лапу, шустро отобрал трофей у капитана.

– Не так быстро, ваша светлость. Нам с братом Винсентом подобная штучка уже встречалась. Аккуратного обращения требует...

Эльфийка угрожающе зарычала. Вздохнув, брат Тук прижал пальцами несколько точек у неё на шее и за ухом – и та обмякла на стуле, закатив глаза.

– Пусть отдохнёт. Брат Исаак, это ведь больше по твоей части, взгляни.

Без особого почтения, даже с какой-то долей безразличия его товарищ повертел в руках плоский кругляш, чрезвычайно напоминающий «Нюрнбергское яйцо» – карманные часы, диковинку, недавно вошедшую в обиход. Колупнув крышку, внимательно осмотрел содержимое. Кивнул.

– Тот самый случай. Портал и вызов.

– Дистанция? – поспешил уточнить капитан. Кому, как не ему, помнить подобное «яйцо», оказавшееся так не вовремя в руках умирающего барона де Бирса, и дальнейший бой с орками! – Готовилось нападение?

Брат Тук развёл руками.

– Заставить оную особу откровенничать и проникнуться любовью вряд ли получится, слишком сильна на ней защита; от духовного воздействия, кстати. Кому-то сильно не понравилось, в каком состоянии вернулся наш вчерашний гость. Похоже, приняли меры.

А брат Исаак добавил:

– Ежели вы о дистанции выхода – то он недалече. Похоже, там, где у оной грешницы якобы застряла карета. Мыслю, выпрыгнули бы из портала зелёные молодцы в помощь тёмным. А вот откуда будут прибывшие – точно не скажу, на пяти десятках лье моё чутьё заканчивается. Значит, подалее того будут. Но только всё это, я вам скажу, теперь тьфу, фитюлька... – Заметив, как насторожился герцог, пояснил: – Давеча мы с братом Туком прошлись по этому, как его...

– По периметру, – любезно подсказал Винсент.

– Вот-вот, да и сработали охранный барьер. Через него эта фитюлька не сработала бы, нет. Я там на всякий случай глушилки повтыкал, вот и они пригодились.

Помедлив, его светлость сказал неожиданно мягко:

– Винсент, напomini, когда вернёмся, поговорить с его высокопреосвященством. Мне нравится его система обучения. Итак, господа...

Прихлопнув по коленкам, задумчиво встал.

– Даму изолировать. Наши гости, думаю, продержат её до рассвета в стабильном состоянии. Винсент, утром к побудке установите по центру лагеря столб для наказания. Придётся устроить суд. К тому времени, думаю, как раз придут высокие гости с той стороны леса, дабы застукать меня в непотребном виде в постели с прекрасной риа Сандриэль... Или мёртвым. В первом случае у них в руках был бы прекрасный повод для давления, во втором – сорванные переговоры и...

Он задумался.

Неужели такая подстава? Не пожалеть крупнейшую фигуру, снять с доски... возможно, разыграть партию со своим претендентом на трон... Ведь он бы не умер мгновенно даже от отравленного кинжала, а его убийца живым из лагеря уже не вернулся бы.

– Ждём до утра, – дополнил вслух. – Тогда всё прояснится окончательно. А пока – унесите её куда-нибудь, не могу же я спать с этой блудодейкой под одной крышей. Я, в конце концов, женатый человек.

Павильон графа Бургундского сиял великолепием. В отличие от шатра самого герцога, он возвышался в центре лагеря, как небольшой дворец, притягивая всеобщие взгляды вымпелами на деревянных башнях и зубчатыми куртинами. Ещё две башенки высились при входе, служа, заодно, опорами для натянутого гобеленового полога.

Наружный слой павильона представлял собой отнюдь не парусину, как на прочих шатрах, а был пошит из верблюжьей шерсти, хорошо удерживающей как тепло изнутри, так снег и воду снаружи. Второе покрытие, внутреннее, из красной тафты было обвешано гобеленами со сценами охоты, пиров и романтической любви, а полосы между ними расшиты жемчугами и золотом. Жёсткость деревянного настила здесь умягчалась драгоценными персидскими коврами, столь мягкими, что даже капризные эльфы, сидя за круглым столом переговоров, украдкой от людей разувались, дабы погрузить ступни выше щиколоток в приятную мягкость кашемира. Павильон-дворец с лёгкостью вмещал до сорока пяти человек и эльфов, это не считая слуг и стражи, скрывающихся в пространстве меж наружным и внутренним пологам.

Вот к этому-то самому павильону-дворцу, у которого, дожидаясь герцога и сопровождающих лиц, столпилась делегация эльфов, и подошла странная процессия.

Занимался рассвет. Но в появлении друу в этот час не было ничего удивительного: остроухие, живя с природой в едином ритме, любое важное дело начинали с восходом солнца, и на привычки людской знати спать иногда допоздна взирали со снисходительным высокомерием. Людям, скрепя сердце, приходилось приспосабливаться к их режиму, дабы не провоцировать гостей на новые неудовольствия. Однако сегодня ранние гости поджидали хозяев с каким-то нездоровым энтузиазмом.

Первое, что увидели высокие лица при подходе к месту переговоров – это оцепление солдат вокруг высокого столба со скобами для цепей, установленного по центру утоптанной перед павильоном небольшой площади. Заспанные, будто после бессонной ночи, физиономии гостей, и без того с утра не отличающиеся приветливостью черт, помрачнели в предчувствии неприятного сюрприза.

Его светлость герцог Эстрейский появился через полчаса томительного ожидания, жив-здоров, бодр и весел, чего нельзя было сказать о скусившихся островитянах. И – о чудо! – друу не роптали, не строчили ноты протеста, не выражали явно или тайно негодование по поводу оскорбительной для них задержки. Одним словом, поведением своим напоминали ту самую кошку, что поджимала уши и берегла зад, памятуя о сожранной накануне хозяйской говядине. Отчего-то их не удивило, что в сопровождении герцога шли не только граф Бургундский и маркграфы Дижонский и Аваллонский, но и давно и печально известный им капитан Модильяни, а также два лица духовного звания, наличие которых явно не вписывалось в протокол.

– Прошу извинить, господа, – без тени раскаяния произнёс герцог. – Дела, дела. Как видите, даже по ночам мне не дают покоя... Сегодня я невольно нарушу нашу обычную процедуру протокола, ибо обстоятельства таковы, что я вынужден обратиться к вам с неким заявлением. Ситуация довольно щекотливая...

Он обвёл взглядом присутствующих. На большинстве эльфийских ликов, абсолютно лишённых намёков на возраст, застыло угрюмое ожидание. Однако кое-кто – меньшинство – искренне недоумевали. Так. Определённо, во вчерашней акции участвовали не все, есть и несведущие. На них и делал ставку его светлость.

– Но что это? – Он замер в показном удивлении. – Её величества здесь нет? Блистательная не почтит нас сегодня своим присутствием? Должен ли я расценивать это как выражение протеста на какое-либо действие со стороны галлов?

– Её величество нынче в недобром здравии, – поспешил выступить вперёд с разъяснениями первый министр Аквители, вечно унылый Пантанюэль. – К сожалению, минувшая ночь была чересчур сыра, что не могло отрицательно сказаться на её голосе. Согласитесь, с больным горлом трудно вести переговоры. Однако я уполномочен...

– И, соответственно, её прекрасных фрейлин мы сегодня не увидим, – в задумчивости продолжил герцог, словно не замечая вопиющего нарушения этикета со своей стороны. Перебить первого министра эльфячьего... эльфийского двора! Но островные остроухие проглотили и это. Министр лишь сдержанно поклонился.

– Сожалею. Наши звёзды остались при своём светоче.

– Восхитительно сказано, господин министр! При светоче... Однако вынужден огорчить: одна из оных звёзд, похоже, сорвалась с небосклона и закатилась раньше времени. Что такое? Вы отчего-то побледнели? Впрочем, я отвлекся. Не слишком ли большой вольностью с моей стороны будет уточнить: все ли фрейлины её величества остались при её величестве? Не случилось ли минувшей ночью какого-то неожиданного происшествия, трагической случайности, я не знаю... в результате чего в свите прекрасной Поднебесной оказалось на одну звезду меньше?

– Не понимаю ваших намёков, ваша светлость, – занервничал Первый Министр. – Не более получаса тому назад я видел свиту её величества в полном составе...

Его помощник с помертвевшим лицом делал какие-то знаки, то отрицательно мотая головой, то плотно сжимая губы, с которых, казалось, вот-вот сорвётся какое-то признание.

– В полном составе, – раздражённо повторил Пантанюэль. – А чем, собственно, вызваны подобные нескромные расспросы?

– Увы, моим искренним огорчением, – вздохнул его светлость. – Что мне за судьба досталась – уже второй раз в жизни вынужден обвинять женщину в самозванстве... Прошу извинить, господа, мы скоро закончим с этим неприятным делом. Итак, прошу внимания!

На последних словах он заметно повысил голос.

Караул вокруг столба – так и хотелось назвать его «позорным»! – восторженно вскакивал по стойке «смирно».

– Сегодня ночью была попытка покушения. На меня, – без обиняков заявил герцог и обвёл сообщество эльфов испытующим взглядом. Кто дёрнется? У кого первого сдадут нервы?

– Надеюсь, неудачная? – ляпнул министр, растерявшись, и затем даже покраснел, сообщив, что сморозил глупость. Герцог вкрадчиво уточнил:

– А как бы вам хотелось? Впрочем, независимо от ваших тайных и явных желаний, я жив, господа, как видите. А преступник – вернее преступница – должна понести заслуженное наказание. Согласитесь, попытка убийства даже простолюдина не может оставаться безнаказанной; что же касается венценосной особы, особы, кстати, являющейся носителем и королевской крови, то... – Развёл руками. – Мои действия обоснованы и законны. Но я очутился в тупике, ибо преступница не моя подданная. Она – ваша соотечественница, и естественным было бы согласовать её наказание с вами. Хочу предупредить... – Жильберт д'Эстре бросил задумчивый взгляд на заметно посеревшие щёки «знающих» эльфов. – Снисхождений с моей стороны не будет. Она явилась в этот лагерь под личиной моей супруги, дабы получить беспрепятственный пропуск к моему телу, и напала на меня, спящего. При ней найдено оружие, а также некий амулет, прямо и недвусмысленно указующий на преступные намерения. Как главный судья своей провинции, я рассмотрел дело, выслушал оправдания со стороны обвиняемой, признал их относительно смягчающими вину и вынес приговор. Он вас интересует?

Первый министр прокашлялся. Оставшаяся дюжина друу хранила напряжённое молчание.

– Безусловно, ваша светлость, не только интересует, но мы кровно заинтересованы, чтобы злоумышленница понесла достойное наказание. Покушение на вашу особу... гм... это вызывает негодование с нашей стороны и праведный гнев. Но... можем мы узнать имя вами осуждённой?

– А какая вам разница? Могу сказать одно: она благородной крови. Соответственно, наказание для неё будет с учётом её происхождения, не столь позорное. Её будут пороть, не снимая платья.

– По...

Эльф зашатался и глотнул воздуха. Двое из присутствующих схватились за кинжалы и шагнули вперёд. Солдаты из кольца оцепления тотчас развернулись – и ошетинились пиками в их сторону.

– По...роть?

– А как вы думали, рий Пантанюэль? Это и есть смягчённое наказание. Я проявил милость, оставляя в живых преступницу, которой полагалось бы, по меньшей мере, лишиться головы. – Его светлость с удовлетворением отметил, как у партии «знающих» забегали глаза. Фавориты королевы, кося на вооружённых солдат, нехотя отпустили оружие. – Либо быть четвертованной. Но, принимая во внимание стремление к миру и взаимному уважению между нашими государствами, я приговорил её лишь к прилюдной порке. Пятнадцать плетей. И даже без отрубания руки, поднявшей на меня оружие. Этого достаточно, чтобы и соблюсти букву

закона, и покарать в назидание тем, кому не нравится моя скромная персона. Я всё сказал. Приведите обвинённую!

Теперь дроу вряд ли можно было назвать тёмными. Щёки одних отливали багрянцем стыда – это у меньшинства, несведущего в истинной сути происходящего, остальные побледнели до синюшности. Вот только с чего: с досады, что неугодную им королеву не вздёрнули нынешней ночью на ближайшем суку и не лишат белокурой головы в ближайшее время? или от стыда и возмущения? Ведь только что на их глазах свершится святотатство: низменная плоть, орудие палача осквернит благороднейшую плоть эльфийки! Аристократки! Короле...

Двое солдат выдернули из ближайшего шатра женщину со связанными за спиной руками, в изрядно помятом, чересчур воздушном для леса платье. Причёска её за ночь пришла в совершеннейшую негодность, под глазами темнели круги... но, в общем-то, она была узнаваема. Зря герцог надеялся, что к утру вторая личина спадёт сама. Хоть бывали на его памяти и такие случаи, когда рассветное солнце развеивало заклинания ночи...

– Риа Сандриэль! – потерянно ахнул Первый. – Но как... Я же сам видел вас нынче утром в шатре её величества! Вы не могли, не можете быть здесь! Это не... вы? Ваша светлость, господин герцог, уверяю вас, это не она!

– Не она, разумеется. – Герцог с удовлетворением кивнул. – Я не просто так упомянул недавно о самозванстве. Взгляните на эту особу, господа высокие эльфы! Насколько мне известно, риа Сандриэль – настоящая! – славится безупречной репутацией верной жены, счастливой в браке, и матери троих дочерей. Её бы примеру – да следовали остальные... И вот эта особа, которую вы перед собой видите, особа, так и не назвавшая своего настоящего имени, посмела бросить тень скверны на столь уважаемую женщину! Нет, господа, не знаю, как это зовётся у вас, дроу, а у нас подобное деяние само по себе заслуживает наказания, как опорочивание чести и достоинства.

Возмущённый ропот пробежал по ряду «незнающих».

– Пусть скажет... – выкрикнул один из них: судя по синим камням на венце и таким же сапфировым глазам – возможный родственник подлинной фрейлины. – Пусть назовётся! Я не позволю какой-то негодяйке позорить честь нашего рода!

Ох, как вскинулась та, что до этого называлась фрейлиной! Как сверкнули её глаза, вспыхнувшие на миг зелёным! Как задрожали и отступили фавориты!

– Не хочет – пусть молчит, – сказал, как отрезал, герцог. – Обещаю, досточтимый рий Тавриэль, после завершения наказания у вас будет полная возможность выяснить это самому.

Он выдержал паузу.

– Итак...

Заложив руки за спину, обвёл присутствующих нехорошим взглядом. Смолкли все. И те, кто порывались выступить в защиту самозванки, не желая отдавать эльфийскую кровь на поругание, и те, кто, пряча глаза, уже бурчали о справедливости возмездия: дескать, что вы хотите, благородные рии? Что заработала, то и получит, знала, на что шла... Замолчали. И в этой тишине, прерываемой лишь хриплым дыханием осуждённой, «самозванку» потащили к столбу. Чуть ли не на руках, потому что ноги у неё подкашивались.

«Ну же», – подбадривал мысленно герцог, «Ну, вы, трусы! Неужели никто больше не вступится, не защитит? Где же ваша хвалёная честь, выручка, где рыцарство, когда прекраснейшую и благороднейшую из соплеменниц вы сами отдаёте мне на закланье? Псы позорные... Знать бы только, для кого вы освобождаете её трон...»

Момент был кульминационный. Королеве – а сейчас герцог окончательно уверился, что перед ним сама Аквитель Восьмая – достаточно было только назвать себя. И тогда, как бы он ни жаждал, откровенно говоря, расквитаться с мерзавкой – отпустил бы сразу. Ибо особа монаршьего звания герцогскому суду неподсудна и отвечает лишь перед собственным кабине-

том министров, да ещё, разве что, перед Европейским Трибуналом, специально созываемым. Одно слово Поднебесной, всего одно слово! И женщина была бы свободна.

Правда, окончательно потеряв лицо в глазах собственного народа. Потому что, оставаясь поротой, но неузнанной, она ещё имела какой-то шанс на замятие некрасивой истории... А главное – на сохранение короны.

Но в любом случае – тёмным эльфам было бы уже не до оспаривания прав на чужую территорию.

Слово, одно лишь слово!

Оно прозвучало. Но не то, которого ожидал Жильберт д'Эстре.

Почти белой от страха, трясущейся крупной дрожью, но так и не разомкнувшей уст, ей уже привязывали руки к скобам на столбе, когда со стороны эльфийской делегации раздалось твёрдое:

– Стойте!

Вопросительно приподняв бровь, его светлость сделал знак солдатам – обождать. Дроу заозирались с неопишным выражением на лицах: кто это среди них такой дерзкий выискался? Поспешно расступились, словно отшатываясь от высокого, даже по меркам их роста, эльфа. Герцог тотчас узнал его. Это был тот самый, «просветлённый» братом Туком, что забрёл накануне в лагерь. Но от бывшего скандалиста в нём мало что оставалось. Исчезла надменность во взоре, присущая многим его землякам, черты лица стали твёрже: это был уже не полуноша-полумужчина неопределённого возраста – а герцога, откровенно говоря, всегда бесило эта неестественная молодость, которой многие зрелые и пожилые дроу прикрывали почтенные года. Тот, кто сейчас подал голос, отщепившись от струсившего большинства, стал вдруг разительно походить на человека – ибо эльфам не свойственна печать скорби на лице, они всё больше хорохорятся и делают вид, что всё у них прекрасно. А у этого в глазах плескалась боль

– Ваша светлость и вы, рии, – он сдержанно поклонился. – Будет ли мне дозволено высказаться? – Дождался кивка герцога. – Ваша светлость! Не смея оспаривать справедливый приговор, я хочу воспользоваться правом, существующим в наших, островных законах. Раз уж вы с самого начала сказали, что хотите согласовать своё решение с нашей стороной – позвольте мне дополнить молчаливое одобрение своих соплеменников небольшой поправкой.

Его светлость насторожился. Но ответил традиционной фразой:

– Если ваше предложение не воспрепятствует исполнению приговора, оно будет принято. Говорите, рий, мы слушаем вас внимательно.

– Ваша светлость, согласно законом Поднебесных Островов, если найдётся доброволец, желающий разделить наказание приговорённому или полностью взять его на себя, его просьба подлежит удовлетворению. Я хочу занять место этой женщины и принять полагающиеся ей плети.

Воцарилась тишина. Только слышно было, как точат дятлы в лесу да шумят кроны. С минуту герцог молчал, испытующе разглядывая просителя. У того же ни один мускул не дрогнул на лице.

– Разделить – или полностью? – только и уточнил Жильберт д'Эстре. Этому тоже требовали формальности.

– Полностью.

Шумно вздохнул брат Тук. Зашептались отмершие от временного ступора эльфы. Среди солдатни прокатился говорок... с уважительной такой интонацией...

«Не перевелись ещё...» – с каким-то облегчением подумал герцог. И сделал знак солдатам: отвязывайте, мол, чего уж там. Пожилой капрал только крикнул, глядя, как рослый сильный мужчина-эльф твёрдым шагом сходит с помоста перед павильоном прямым к позорному столбу, на ходу стаскивая перевязь шпаги, камзол, снимая через голову рубаху... Он просто обхватил столб руками, ясно давая понять, что привязывать его не стоит. Бывалый капрал

покачал головой – и солдаты с ненужными верёвками в руках отступили прочь. Остался один, здоровяк, с семихвостой плетью в руке, вымоченной за ночь в особом растворе для большей гибкости.

По лицу лже-фрейлины текли слёзы.

Когда в обнажённую спину фаворита со свистом впивались полосы кожи с закрученными шишками на концах, она сжималась, словно собственным хребтом испытывая боль. Когда его, в кровь искусавшего губы, но не издавшего во время экзекуции ни слова, сняли со столба и уложили на траву – рухнула рядом и дрожащими руками пыталась отодрать клочок от юбки, чтобы хоть как-то оттереть, промокнуть... Рядом поставили бадью с тёплой водой, сунули женщине чистую холстину, тут же засуетился полковой медикус с банкой заживляющей мази... Она выхватила у него эту мазь с такой яростью, будто ей не давали приложить к груди собственное новорожденное дитя.

А вездесущий монах уже опустился на траву рядом с фаворитом, сложив руки для благодарной, дарящей облегчение и силы, молитвы, и отчего-то напомнив капитану Винсенту маленького доктора с его клятвой Хиппократусу. Поль Вайсман, наверное, тоже не стал бы в такой момент разбираться, дроу перед ним или человек, просто помчался бы на помощь.

За всё это время герцог не сказал ни слова. Наконец, разжал губы.

– Свободны оба.

Повернулся к Винсенту.

– Довезти до лагеря. Сдать с рук на руки лично фрейлинам и местному эскулапу, пусть долечит своей магией. Винс, ты проводи и... проследи.

...проследи, чтобы её не узнали, пока не окажется подальше от досужих глаз, понял капитан недосказанное.

Репутация, как и дальнейшая судьба Аквители Восьмой были герцогу глубоко безразличны. А вот поступок её защитника покорило сердце. Да, Жиль до сих пор не простил этой женщине мгновения пережитого ужаса, когда в какой-то миг он и в самом деле поверил, что душил Марту, свою нежную Марту! Но из уважения к жертвенному порыву фаворита и его мужеству, из уважения к советам отца – «не все дроу безнадёжны, сын мой, помни об этом!» – из уважения к другу-эльфу, оставшемуся в Гайярде он оставил этих двоих в покое и предоставил собственной судьбе.

...А вот судьбу собственной страны нужно было, в очередной раз, решать незамедлительно. И именно ему. Сейчас, пока противник деморализован.

– Итак, господа. – Он повернулся к эльфам, до сих пор пребывающим в трансе от пережитого зрелища. Заговорщики хреновы, крови боитесь, куда ж вы лезете-то, дилетанты! – Я же обещал, что сия процедура надолго не затянется. Прошу сюда! – Гостеприимно махнул в сторону павильона, который сегодня, украшенный дополнительно боевыми знамёнами Галлии, просто-таки подавлял роскошью и великолепием. – А мы с вами продолжим... Нет!

Уже собираясь зайти, круто развернулся на пятках к шарахнувшимся от него дроу. Глянул свирепо. Сказал, как отрезал:

– Не продолжим, господа эльфы. Сегодня мы закончим наше небольшое дело. Пора, наконец, поставить точку.

...Стражники в просветах между пологими зорко следили, чтобы никому из гостей не захотелось внезапно на свежий воздух, и чтобы, упаси боже, никто не вздумал шарить по карманам или на шее в поисках очередного непонятого амулета. Мало ли... Бдительность порой предотвращает бо-ольшие неприятности. К трём часам пополудни договор о взаимном сотрудничестве, ненападении и предоставлении военной помощи одной из сторон в случае крайней необходимости был согласован, переписан начисто в двух экземплярах, подписан обеими высокими договаривающимися сторонами и сочтён принимаемым к исполнению немедленно – и на ближайшие двести лет. Бургундия с её лозами, отягощёнными золотистыми гроздьями,

жёлтыми горчичными полями, Шаролесскими бычками, Бресскими пулярами и цесарками, реками, озерцами, городами – по-прежнему оставалась частью прекрасной Галлии, её добрым и славным желудком, умеющим и поработать, и побаловать и себя, и соседей.

Отдельным пунктом в договоре значилось обоюдное обязательство по совместным действиям против диких орков, независимо от того, на чьей территории они появятся. Никаких сговоров за спиной другой договаривающейся стороны о сотрудничестве с данной расой – по крайней мере, пока та находится на нынешнем диком уровне развития. Никаких поддержаний действий, предоставлений прав вступать на территорию Галлии либо Островов, даже с целью транзита.

...Жаль, что нельзя было сразу ринуться в обратный путь. Надо было непременно нанести визиты в оба города, что создали такие прекрасные условия для переговоров, равно поблагодарить и маркграфов, и их подданных, закрепить собственной подписью и печатью копии мирного договора, которые впоследствии разошлют по всем городам – а до того их ещё переписать! Ещё три-четыре дня – и домой.

А пока сворачивают лагерь, но ещё не разобрали его шатёр – послать весточку Марте, непременно, и архиепископу – с благодарностью за помощь. Винсент побудет ещё при нём, а письма он передаст с братьями-бенедиктцами.

И непременно сообщить обо всём Максусу. В подробностях.

Эх... надо было взять его сюда. Уж нашёл бы себе временную замену из своих помощников-писарчуков, в конце концов, не каждый день конфликты с эльфами разгребаются. А тут у него такая возможность... Герцог поморщился. До сих пор не мог определиться: хорошо или плохо, что Фуке здесь не было?

Впрочем, пусть его друг решает сам, ввязываться ему в драку со своими или же нет. На первое и единственное предложение – не приказ! – поехать с ним на переговоры Максимилиан отказался категорически. Не желает он ничего слышать о родине, что однажды его предала. Это можно понять.

...Его светлость уселся за походный стол, потянул к себе перо. Усмехнулся, покрутив головой.

А ведь он ещё не успел оповестить Винсента, что в его полусотне скоро объявится законный многоженец! Ничего, другим наука. Не продлит Папа буллу – герцог всё равно велит признавать внебрачных детишек от бравых рейтар. Надо их, что ли, собирать в одной школе и обучать воинскому делу, по примеру архиепископа. И почему он раньше не подумал об учебном заведении для... будущих офицеров, допустим? Нечего подросткам нежного возраста шляться в пажах, пусть с малолетства постигают военное дело, науки и приучаются к дисциплине.

А что делать с девочками? К вашему сведению, ваша светлость, наряду с сыновьями рожают ещё и дочерей.

Э-э...

Пусть над этим подумает Марта. У его любимой жёнушки удивительное чутьё. Решения, кажущиеся на первый взгляд наивными и смешными, на деле получаются верными, лучше и не предложишь. А если ей что-то не будет удаваться – что ж, они подумают над этим вместе. Ради этого, право же, стоило остановить войну.

Глава 4

Красавица Аннет, которой к лицу было даже будничное платье госпожи комендантши, так и оставшееся на ней после известных событий на улице Оружейников, вяло, больше машинально, огрызалась на скабрёзные шуточки и недвусмысленные предложения, то и дело сыплющиеся от разнокалиберных посетителей таверны. А то! Самая пора, вечерняя, разгульная, чтобы честным и получестным труженикам развеяться, скоротать час-другой, а то и ночь, в приятной компании, а тут – дамочка, чистенькая, смазливая, одинокая... Да к тому же, за кружкой эля, не рома – значит, надираться не хочет, так, до лёгкой приятности себя довести, значит – на работе... Как не предложить скоротать? Ах, не хочет?

И почему-то только после беззлобного посыла в места, неинтересные для честных и получестных тружеников, обращали внимание, что свой ростбиф с кровью дамочка режет деликатно, по-господски, да не ножиком, которые в «Смачном Петухе» все тупые и с закруглёнными концами – во избежание лишнего вреда посетителям при поножовщинах. Не-ет, паршивый кусок мяса пластался острым небольшим кинжалом с подозрительным камушком в рукоятке, по виду – цены невероятной. Чёрт его знает, что за камушек, но... охота познакомиться с барышней отпадала. По неписаному закону местных трущоб, ежели деваха ест с мужского ножа – она занята тем самым типом, что ей тот нож подарил, а потому ты её не трожь! А камушек драгоценный в рукоятку имел право втиснуть далеко не каждый, лишь тот, кто в свите или в охране Самого. Не трожь трижды, если не хочешь сгнить на городской стене, зацепленный острым крюком под ребро.

Так-то.

Она потягивала горьковатое пиво, даже очень неплохое для заведения такого пошиба, поигрывала ручкой одолженного у Сабрины ножа, маялась головной болью и решала для себя мучительную дилемму: помогла она герцогине Марте или, напротив, подложила свинью? Боже ж ты мой, куда она опять влипла? Ну почему нельзя было просто удрать из ведьминского дома, как-нибудь найти эти Врата и...

Впрочем, глупости всё это. Про Врата ей уже рассказали. Клейма на Аннет не проставлено, чужачку они не выпустят. Оттого и стражников там нет, без надобности: Врата заговорены. А найдётся способ их пройти, если повезёт разжиться амулетом или разрешением на выход от Самого – сразу за Вратами канал с морской водой, где живут древние гидры. Ступишь на мост – он заверещит, перебудит гидр, эти сволочи выскочат и начнут плевать огнём. Никто не пройдёт. Тела у них так и остаются в воде, неуязвимы, наружу высовываются лишь головы на длинных шеях. Срубишь одну – за пять минут вырастают две. Воины и колдуны и те не справились, что уж говорить о человеке... Много там скелетов валяется, на мосту, в назидание другим, наивным, что решатся покинуть славный город Некрополис.

Ещё прошлой ночью, в тихой уютной комнатке Дюмонов, подобия которой у неё никогда не будет, ей всего-то и хотелось сбежать, скрыться с глаз долой. От Анри, вновь решившего её судьбу, от этого проклятого дамочкова меча обречённости, от беспамятства – хоть и благого, как все вокруг твердили. Больше всего она боялась, что Генрих, у которого слово с делом не расходится, вызовет менталиста в дом на Оружейной улице прямо сейчас. Если уже не вызвал. И что уже приказал бравым рейтарам, что стояли в оцеплении вокруг дома, ни в коем случае не выпускать крошку Ани, если ей вздумается упорхнуть в ночную темень. Проверять верность своих предположений не хотелось. Зеркальце-амулет жгло карман. Вот она и решила на побег.

Спасибо его преосвященству. Как же славно, по-доброму он с ней поговорил, будто благословил... А главное – сказал, что они с Анри ещё встретятся. Хоть и не сразу, лет через несколько.

И ещё сказал: надейся. Три добродетели христианских помянул: веру, любовь и надежду эту самую. Такие люди, как Бенедикт Эстрейский, словами не бросаются.

А потому – шагнула она в открытую зеркальцем порталную арку со спокойной душой, без страха и сомнений. Оставляя за спиной колебания, тягомотину рутинной жизни, жажду приключений, тоску и разочарование, и унося лишь три добродетели, что не в тягость, а, в общем-то, в облегчение.

...Открытие портала сопровождалось настолько яркой вспышкой, что ей пришлось шагнуть в проём вслепую, торопливо, боясь, что проход недолговечен. Полуослепшая, она перенесла через угадываемый каким-то чутьём порог вторую ногу и прошла несколько шагов. Но едва пятна в глазах поубавились и на смену им начали прорисовываться контуры чего-то массивного – за спиной полыхнуло вторично. Пришлось зажмуриться.

– Вот черти зелёные! – в сердцах воскликнул девчачий голос где-то за спиной и... снизу? Аннет, приоткрыв глаза, так и завертелась на месте, пытаясь сориентироваться. – Да что ж вас так и норовит не по-людски сюда заявиться! Дамочка! Тебе говорю! Стой, чудная, не крутись, а то загремишь с лестницы, костей потом не соберёшь!

Аннет замерла, и, наконец, сообразив, что к чему, прикрыла глаза ладонью, чтобы побыстрее привыкли к темноте. Всё ясно. В Эстре сейчас ночь, тут тоже, а ослепило её знатно, не хуже, чем если перед глазами порох для шутихи случайно бабахнет...

– Явилась на мою голову, – проворчал тот же голос. – А ну, покажь, что у тебя там? С чем ты сюда перенеслась?

Аннет выразительно повертела в руке порталное зеркальце, ставшее вдруг на ощупь ледяным. Заодно проморгалась. Впереди была пустота... Ах, нет, просто почти у ног пол обрывался, и виднелись первые ступени вниз. Она обернулась. За спиной обнаружили массивные стеллажи, заставленные книгами в потрёпанных переплётках, дверной проём, ещё один стеллаж. Потолок с мощными балками угадывался, хоть и в темноте, но рядом, низко. Судя по всему, её занесло в мансарду или антресоль, вроде тех, что во флигелях для прислуги в Гайярде... Узкая лестница с вытертыми посередине ступенями начиналась буквально в полушаге, а у самого её основания, воинственно оперев руки в боки, какая-то белобрысая малявка зыркала на непрощенную гостью.

– У-у, взялась тут на мою голову, да ещё с этой цацкой... Ты, что ли, и есть та самая сучка Диана?

– А ты, что ли, и есть старая карга-отравительница? – тотчас нашлась Аннет, сообразив, за кого её приняла.

– Я не карга! – возмутилось юное создание. – И бабка моя сроду каргой не была, а уж отравительницей и подавно! Сами упьются микстурой, меры не зная, а потом всё на честную ведьму сваливают. Извинись сейчас же!

– Ну и ты извинись. – Бывшая трактирщица не намеревалась давать спуску какому-то там недоразумению. – Никакая я тебе не Диана, и уж тем более не сучка.

Белобрысое создание неожиданно хмыкнуло.

– Что не Диана – теперь вижу. Таких, как она, тут немало к бабке хаживало, брезгливых, аж тошнит. Всё носы платочком затыкали, делали вид, что вонь тут у нас несусветная...

Аннет невольно принялась. В воздухе сладко-горчаще пахло травами: их пучками были щедро завешены продольные перегородки в шкафах, стенные просветы, дверной косяк; даже с потолка что-то свешивалось. Тянуло ветхостью – запахом, свойственным домам-долгожителям; да ещё тем самым специфичным душком старости, который долго не выветривается, когда одряхлевший владелец умирает, но вещи, скарб всё ещё тут, доживают за хозяина. Но

какой-то особой вони, возможно, присущей зельеварению и ядотворению, не ощущалось. Хоть тресни.

Аннет пожала плечами.

– Вот я и говорю, – совсем уже нормально продолжила девчушка, поправляя громадные круглые очки, то и дело сваливающиеся с хорошенького носика. – Не сучка. Прости уж, чего уж там. Обозналась. К бабке редко кто из нормальных людей заходил. Да ты давай, спускайся, что ли, нам, как ни крути, говорить-разговаривать теперь нужно.

– И ты... извини, – медленно сказала Аннет.

Начинать знакомство со скандала не хотелось, но и безнаказанно, да ещё незаслуженно быть оскорблённой тоже. Однако хорошо, что всё обернулось недоразумением. Выяснили – и ладно, давайте дальше жить дружно.

Тем более, на ночь глядя. Где-то ей надо перекантоваться, в незнакомом-то месте, а уж с утра думать, в какую сторону идти к новой жизни.

– Тебя как зовут-то, не-ведьма?

Девчонка фыркнула. При ближайшем рассмотрении оказалась она щуплой девицей лет четырнадцати, с серыми глазищами, и без того громадными, а тут ещё и увеличенными очками, в ветхой драной одежонке вроде балахона... Аннет вдруг вспомнился приснопамятный недоучка Лир в его засаленной мантии. Впрочем, возможно, девчонке просто-напросто надеть больше нечего. Беглого взгляда на единственную комнату, служащую одновременно и кухней, и прихожей, и вроде как гостиной, хватало, чтобы понять: в этом домишке царит бедность. Она проглядывала во всём: и в линялых домотканых ковриках, вытертых кое-где до нитей основы, и в древнем, с виду столетнем, столе и трёх стульях, щелястых, еле-еле держащихся на ножках, и в выщербленных оловянных тарелках на единственной кухонной полке, и в перекосившихся ободках светильника под самым потолком... Впрочем, три единственных свечи в нём горели относительно ярко, а сама комната была чистейшей, словно ежедневно отдраивались половицы, оттирались пыль и очаговая копоть и менялись, как в лучших трактирах, полотенца рядом с рукомойником, пусть и посеревшие от времени.

– Сабрина я, – стараясь выглядеть солидно, отозвалась юница. – Ведьма, как есть, но не карга. Вот. Я тут теперь вместо бабки. Давай, проходи, садись. А ты сама-то кто есть?

Аннет осторожно опустилась на стул, на удивление крепкий, даже не покачнувшийся. И вдруг почувствовала, насколько устала. Груз двух бессонных ночей и хлопот над больными, и близость Анри, и смерть Дианы, и стремление начать жизнь сызнова – всё вдруг опустилось на плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.